

**Лев Яковлевич Штернберг
и Музей Антропологии и Этнографии
Академии Наук.¹**

(По личным воспоминаниям, литературным и архивным данным).

(Представлено академиком Е. Ф. Карским в заседании Отделения Гуманитарных Наук
11 января 1928 года).

Это было в июле месяце 1900 г. Незадолго перед тем, осенью 1899 г., спустя 17 лет после высылки из Петербурга молодым студентом за участие в студенческих волнениях, Лев Яковлевич Штернберг вновь приехал в столицу, которая на сей раз манила его, как центр науки и знания. Помню это первое наше совместное посещение Музея. Музей занимал тогда лишь второй этаж двухэтажного флигеля, прилегающего к зданию бывшей Кунсткамеры, тогда Библиотеки Академии Наук, а ныне — части Музея. Поднявшись по лестнице и пройдя через выставочный зал, скорее напоминавший по своей загруженности магазин или хранилище этнографических принадлежностей, мы попали в кабинет старшего этнографа Д. А. Клеменца, с которым Л. Я. был знаком и встречался еще раньше. Д. А. Клеменц сидел за столом, уныло вписывая что-то в большую, канцелярского типа книгу. На вопрос Л. Я., после обычных товарищеских приветствий, что он делает, Д. А. Клеменц с присущим ему юмором ответил тоскливо: «Да вот сижу и строчу». Из дальнейшего разговора выяснилось, что Д. А. Клеменц смотрел весьма пессимистически на будущее Музея при том скудном бюджете, который был ему отведен, и жаждал более широкого поприща деятельности.

Когда мы спускались, Л. Я. остановился у входа, точно привлеченный магнитом, и, взглянув в сторону сидевшего служителя, шепнул мне: «А я бы рад был быть здесь хоть сторожем, я бы получил право жительства и работал бы по этнографии». Нужно сказать, что злополучное право жительства

¹ Составление очерка поручено С. А. Ратнер-Штернберг, как ближайшей свидетельнице музейной работы покойного, с первых ее шагов, и как давнишней сотруднице Музея.

Примечание редакции.

в столице он тогда получил по ходатайству Академии Наук, и то лишь на три месяца; и каждые три месяца акад. В. В. Радлов или акад. К. Г. Залеман отправлялись в тогдашнее Охранное Отделение хлопотать о продлении разрешения. Дело в том, что на Льве Яковлевиче лежало тогда два несмываемых «позорных пятна»: он был революционер, политический преступник, а во-вторых, еврей, еврей без диплома высшего учебного заведения (ко времени ареста в Одессе ему оставалось сдать лишь два-три экзамена для получения диплома об окончании Новороссийского Университета, но он диплома так и не успел получить). А еврей, без свидетельства о высшем образовании, по тогдашнему кодексу, вне «черты еврейской оседлости» правом жительства не пользовались. И всякое опоздание в ходатайстве об отсрочке грозило Л. Я. высылкой в 24 часа. И эту угрозу он пережил на другой день после рождения его первенца-сына, когда, при соответственном нагоняе в полицейском участке за просрочку, ему было приказано «убраться со всем семейством в 24 часа».

Прошел год с небольшим, и мечты Л. Я. о службе в Музее «хотя бы сторожем» совершенно неожиданно сбылись, хотя, правда, и в несколько ином масштабе. В один прекрасный день, осенью 1901 г., Л. Я. получил от тогдашнего директора Музея, акад. В. В. Радлова, предложение занять место Д. А. Клеменца, который собирался тогда перейти в Русский Музей Александра III, ныне Государственный Русский Музей. Хотя Л. Я. был уже тогда большим эрудитом в области этнографии и провел 7 лет в полевой работе среди примитивных народов Сахалина и Приамурья (гиляки, айну, ороки, орочи, гольды и др.) и имел уже тогда некоторый музейный опыт в качестве основателя музея на Сахалине, в г. Александровске,¹ куда он, между прочим, отдал все собранные им археологические и этнографические коллекции из быта и религии изученных им народностей, он, тем не менее, не считал себя достаточно подготовленным для этого поста и долго и упорно отказывался, но акад. В. В. Радлов, успевший к этому времени хорошо с ним познакомиться и, очевидно, оценить, не менее упорно настаивал. И в конце-концов, поддавшись доводу В. В. Радлова, что «музейным человеком никто не рождается» и что «музейные люди вырабатываются в процессе работы», он принял столь заманчивое для него по существу предложение, ибо оно открывало для него широкое поприще деятельности в области любимой дисциплины. Итак, сбылись его мечты. Он стал «сторожем» в Музее, его верным стражем, и не только стражем-хранителем, но и стражем-созидателем.

¹ Кстати, этот музей впоследствии разросся в большой музей по археологии, этнографии и всем отраслям естествознания, но в 1905 г. японцы тщательно уложили все коллекции и увезли их к себе.

I. Вступление Л. Я. в Музей совпало с зарей новой жизни для этого учреждения. Прежде всего Музею как раз незадолго до того, благодаря ходатайству В. В. Радлова, было отведено дополнительное помещение, именно первый этаж того самого флигеля, во втором этаже которого помещался до тех пор весь Музей. Сверх того, во временное пользование было отведено несколько небольших комнат в главном здании Академии, куда и были помещены антропологические и археологические собрания. Незадолго до того (в 1899 г.) бюджет Музея был увеличен с 2.650 р. до 8.150 р. в год. Оба эти обстоятельства давали некоторую возможность развернуться в смысле выставления и в смысле увеличения числа работников.

И вот, с первых же шагов предстала большая разносторонняя работа. Прежде всего, конечно, было приступлено к ремонту нового помещения после вывоза оттуда Книгохранилища Академии. Следующим шагом должно было быть омеблирование зал, но тут сразу наткнулись на препятствие, на то, что теперь называется «режимом экономии». Дело в том, что из указанной выше бюджетной суммы, за вычетом содержания по штату старшему этнографу (2.800 р.), младшему этнографу (1.500 р.) и оплаты вольнонаемных регистраторов, младших служителей и т. п., на командировки с этнографическими целями и на покупку новых коллекций и прочие расходы, оставалась довольно-таки скромная сумма — 750 р. в год. Ясно, что урезать что-нибудь из этого бюджета на омеблирование целого этажа не было никакой возможности. К счастью, в те времена в пределах отведенного бюджета директор имел право распоряжаться по своему усмотрению. И выход был очень скоро найден: хотя Л. Я. был приглашен на место старшего этнографа с соответственным содержанием, но ввиду того, что до получения университетского диплома он считался на службе по вольному найму, от директора зависело назначение ему размера жалованья. И вот, по обоюдному соглашению, было постановлено, что Л. Я., исполняя обязанности старшего этнографа, вместо жалованья в 2.800 р. будет в течение двух лет получать жалованье в размере 1.500 р., а имеющий получиться от этой экономии за два года остаток в 2.600 р. пойдет на нужды Музея. И В. В. Радлов, имея в руках скромную задаточную сумму, немедленно заказал за границей те шкапы из железа и стекла, которые и поныне украшают Сибирский Отдел. Впоследствии он изыскал другие источники для полной оплаты заказа и для дальнейшего омеблирования Музея.

И начался для Музея поистине период бури и натиска. И отныне весь пыл своей горячей деятельной натуры, весь энтузиазм к науке Л. Я. сосредоточил в течение ряда лет на Музее.

Прежде всего «необходимо было спешно закончить регистрацию многих тысяч предметов, оставшихся до этого времени не каталогизированными;

потребовалось, далее, весь музейный материал рассортировать сначала по крупным территориям, затем по культурно-этническим группам, по отделам и подотделам культуры».¹ Кроме того, «так как перестановка собраний предполагалась коренная, и все шкапы верхнего этажа подлежали полной переделке, то все коллекции пришлось вынуть из шкапов и сложить в ящики с тем, чтобы по окончании ремонта и переделки шкапов всю груду музейного материала снова разместить заново в шкапах в научном порядке. Трудно представить себе тот хаос и вид запустения, который на несколько месяцев принял Музей, когда коллекции были убраны, шкапы валялись разобранными, и всякого рода рабочие с утра до вечера толкались в опустелых, холодных, отсыревших залах Музея»² — картина, хорошо знакомая всем нынешним работникам Музея, участвовавшим в его спешном переустройстве к юбилейным торжествам 1925 г.

Напряженность работы станет ясна, если принять во внимание ограниченность тогдашнего ученого персонала Музея, состоявшего всего из 3—4 человек. Это отсутствие людей с первых же шагов работы Л. Я. налагало на него, как на старшего этнографа, самые разнообразные побочные обязанности: и регистратора, и казначея, и секретаря, и разные хозяйственные заботы, не говоря уже о научно-организационной работе. На нем же лежало составление тех бесчисленных ходатайств и докладных записок, подчас очень длинных и мотивированных, с которыми В. В. Радлов неутомимо и беспрестанно обращался во все инстанции, где только он надеялся добиться средств для роста и процветания Музея. Из указанных побочных обязанностей Л. Я. особенно тяготился обязанностями казначейскими, ибо он органически не способен был заниматься житейскими мелочами и мелочными счетами. Эту его слабость знали и его друзья. Мне припоминается, как хороший наш приятель, земляк Л. Я., известный в свое время литератор и педагог, Н. И. Коробко,³ однажды полушутя, полусерьезно спросил меня, умеет ли Л. Я. считать деньги. Должна сказать, что считать он приблизительно умел, но беречь их, вести точную запись расходов, пересчитывать деньги и т. п., этого он органически не любил. И эта слабость крайне невыгодно отражалась на его личном бюджете: забывая часто записывать музейные расходы или записывая их наспех на клочках бумаги (чиновник он всегда был плохой: бюрократизм и формализм плохо вязались с его широкой, порывистой натурой), которые он часто терял, он регулярно платился известной долей своего жалованья, пока казначейские обязанности не перешли в дру-

¹ «К семидесятилетию В. В. Радлова», стр. 53—54.

² Ibid., стр. 52.

³ Скончался в годы разрухи от сыпного тифа.

гие руки. Среди деловых бумаг мне подвернулась одна такая, очевидно, затерявшаяся запись на клочке бумаги рукой Л. Я. музейных расходов на сумму 15 р. 20 к., которую он, вероятно, и покрыл потом из своего кармана. Приведу кстати несколько статей этих расходов, характеризующих, чем вынужден был тогда заниматься старший этнограф Музея: «Наточка ножниц — 30 к., спринцовка и нож — 1 р. 25 к., за книги из таможни — 38 к., белила и краски — 1 р. 18 к., лоханка и таз — 2 р. 65 к., накладная таможенных сборов — 15 к.» и т. д.

И все эти разнообразные дела вершались до 1908 г. в одной единственной комнате, вернее в отгороженном перегородкой конце зала первого этажа. Комната эта служила и директорской, и кабинетом старшего этнографа, и столовой, и канцелярией, и разборочной для новых коллекций, и приемной. На посторонних она производила впечатление толкучки. Но здесь творилось большое дело. А по окончании служебных часов, по уходе посторонних, В. В. Радлов и Л. Я. Штернберг засиживались нередко часов до шести вечера, обсуждая разные музейные вопросы и строя широкие планы будущего роста Музея. Как из хаоса родился порядок, так из этой «болтовни», как квалифицировал эти беседы сторож, досадовавший на засидевшееся начальство, выросло музейное дело. Выражаясь этнологическим языком, тут происходила систематическая материализация слова, и в результате — ряд новых отделов, расширение помещения, увеличение штатов, организация экспедиций и пр. и пр.

После выработки плана перераспределения и размещения отделов в пределах увеличенной площади, подлежали пересмотру методы и техника экспозиции. Присмотревшись предварительно к принятому раньше методу выставления, Л. Я. сразу признал его неправильность, ибо сплошь и рядом экспонаты выставлялись не по их научной ценности, а по их эффектности, экзотичности, красочности, и часто наиболее ценные, весьма редкие, но не яркие предметы, скромные по виду, совершенно оставались в тени, недоступные для обозрения. Отныне стало аксиомой, что необходимо прежде всего выставлять научно важные объекты, а потом уже по возможности заботиться о красоте экспозиции. Были также введены, по предложению Л. Я., новые технические приемы при выставлении, между прочим, выставлять коллекции так, чтобы любой предмет легко мог быть вынут из шкапа, без нарушения общей экспозиции. Далее Л. Я. обратил внимание на необходимость при выставлении делить коллекции на две главных категории: объекты культуры материальной и объекты культуры духовной, по религии, орнаменту и пр. Было также обращено внимание на необходимость располагать материал по возможности в известном соответствии с близостью и родственностью культур. Но, само собою разумеется, что при тесноте

3*

помещения, при ограниченности выставочной площади и мебели, ему же самому приходилось часто отступать от этих принципов.

После установки шкапов началось выставление. Закипела работа во всех отделах, активно работал и сам В. В. Радлов, проводя целые дни в Музее и не брезгая даже регистрацией коллекций. Тогда же в работе по выставлению коллекций по буддизму принимал участие и С. Ф. Ольденбург, ныне Непременный Секретарь Академии. Помню, с каким энтузиазмом, с какой энергией, с каким азартом работал Л. Я., заражая и других своим отношением к делу. Он приходил в Музей часов в 10 утра и оставался там нередко до 7—8 час. вечера. К концу 1903 г. весь нижний этаж был выставлен единолично им при участии одного служителя, И. Н. Субоча. Сюда вошли все коллекции по Сибири и по Северной Америке, а также все собрания по Южной Америке, вмещавшиеся, впрочем, тогда в одном шкапу. Выставлены были и все другие отделы, где работа шла тогда столь же интенсивно.

Таким образом, за два года работа была закончена, и даже был выпущен путеводитель, в котором перу Л. Я. принадлежало предисловие и часть описания отделов Сибири и Америки, в общем 82 стр. из общего числа в 182 стр. Он же был и редактором всего путеводителя.

Ознакомление с коллекциями при выставлении показало Л. Я., насколько скудны были собрания Музея вообще и по отделу Сибири в особенности, а этот отдел, казалось бы, в Музее, как учреждении русском, должен был быть представлен особенно полно. Достаточно сказать, что ко времени поступления Л. Я. в Музей по этому Отделу, так называемых, Сибирских инородцев, только коллекция по гольдам, пожертвованная б. наследником Николаем в 1896 г., и богатая коллекция Н. Н. Гондатти, из быта народностей крайнего северо-востока Азии, поступившая в 1898 г., представляли эти народности более или менее полно; вся же остальная Сибирь почти не была представлена по настоящему, ибо коллекции были разрозненные, хотя и содержали часто весьма ценные и редкие экземпляры. Мало того, оказалось, что целый ряд народностей, как алтайцы, минусинские татары, карагассы, сойоты, буряты, енисейские остяки, самоеды, разные тунгусские народности, орочи, ороки и др., вовсе не были представлены.

Пред Музеем встала во всей широте задача — пополнить свои собрания коллекциями как из жизни указанных народностей, так и из жизни народов других частей света. Надо сказать, что с самого начала Л. Я. мыслил Музей, как учреждение, имеющее представить полную картину человеческой культуры, и не только в настоящем, но и в прошлом, не только в ее статистике, но и в динамике, в процессе ее эволюции и вариационности. А для этого нужно было расширять его, пополнять коллекциями. Но тут оба

преобразователя Музея неизменно наталкивались на два препятствия: отсутствие средств и отсутствие людей с подходящей подготовкой. И эти препятствия они решили во что бы то ни стало одолеть. Но, работая совместно, рука об руку, в обсуждении разных планов и проектов, клонившихся к расширению и росту Музея, к поднятию его научного престижа, они в практической деятельности пришли к необходимости разделения труда. И как-то само собою вышло, что В. В. Радлов взял на себя самую неприятную и, быть может, самую трудную часть работы — изыскание средств, ходатайства перед властями, отстаивание везде и повсюду интересов Музея: официальное его положение, как директора Музея и академика и престиж его имени давали гарантию успеха. И во всякую погоду, и в дождь, и в слякоть, и в трескучий мороз, и в сильный ветер, он, не взирая на свой уже тогда довольно преклонный возраст, одев на себя для большего престижа ордена и ленты, безропотно шел, как он выражался «антишамбрировать», т.-е. ждать очереди в приемных министров и других сановников. Тут участие Л. Я. сводилось лишь к составлению мотивированных докладных записок, в которых приходилось порою объяснять азбуку этнографии, доказывать необходимость и полезность самого существования Этнографического Музея. Вообще же на долю Л. Я. выпали заботы о детальной разработке намеченных планов, проектов экспедиций, характера предполагаемых сборов, по подготовке командированных и т. п.

В своем увлечении идеей роста Музея, Л. Я. вначале старался использовать все возможности, можно сказать, набрасывался на каждого, кто так или иначе соприкасался с «инородцами». Сплошь и рядом это были люди, весьма далекие от этнографии — ведь наука эта была тогда еще юная, малоизвестная — и Л. Я. их просвещал, объяснял важное значение Музея, instruировал их, увлекал и заражал своим, если можно так выразиться, музейным и этнографическим патриотизмом. И можно только удивляться, как мало он попадался впросак, ибо по натуре своей он был доверчив, как ребенок, и в людях нередко ошибался. Но, как бы то ни было, эта горячая пропаганда, этот энтузиазм привели к тому, что беспрестанный приток коллекций в виде пожертвований от частных лиц и учреждений стал быстро возрастать.

II. Но само собою разумеется, что случайные сборы не могли его удовлетворять. Роль музея, как пассивного приемщика того, что угодно было жертвовать как отдельным лицам, так и учреждениям, отнюдь не соответствовала тем задачам, которые ставили себе и В. В. Радлов и Л. Я. Штернберг. Ощущалась острая потребность в систематических планомерных научных сборах, в экспедиционном методе коллектирования. И тут как раз в жизни Музея произошло событие, которое очень скоро дало возможность вступить

на путь такой регулярной активной инициативы и планомерной деятельности. Я имею в виду организацию Международного Союза для Изучения Восточной и Средней Азии.

Самая идея и инициатива его организации принадлежала В. В. Радлову и С. Ф. Ольденбургу. Оба они еще в 1900 г. внесли соответственный проект на XII Конгрессе Ориенталистов в Риме и Гамбурге, где они встретили полное сочувствие и одобрение. Главной целью этого Союза было спасти для науки культурные памятники Восточной и Средней Азии, быстро разрушавшиеся под напором европейского влияния. В каждой из участвующих в этом Международном Союзе стран должно было быть отделение этого Союза, свой Комитет. И вот как раз в 1902 г., почти в самом начале музейной деятельности Л. Я., В. В. Радлов получает предложение выработать устав Союза и организовать русское его отделение, так называемый Русский Комитет. Выработку устава он поручил Л. Я. Помню, с какой лихорадочной поспешностью Л. Я. выработывал оба устава, как общий, так и русский. И в этот устав им предусмотрительно внесены были два пункта, чрезвычайно важные для Музея. Центральным органом всего Международного Союза признавался Русский Комитет, и В. В. Радлов, как директор, его председателем. Это, разумеется, ставило Музей, который таким образом вступил в персональную унию с Комитетом, в очень выгодное положение. Во-вторых, в уставе был пункт (§ 8а), по которому, все, что собиралось каждой страной, считалось ее собственностью. А так как МАЭ был тогда единственным в России Музеем общей этнографии, то, само собою разумеется, что уже наперед можно было предсказать, что все сборы, которые будут делаться под флагом Русского Комитета, поступят в Музей.

Окрыленный этими надеждами, В. В. Радлов, с присущими ему энергией и умением, очень быстро провел устав через все Сциллы и Харибды разных инстанций, и уже в мае 1902 г. стал функционировать временный Комитет, а с 22 марта 1903 г. постоянный Русский Комитет с В. В. Радловым, как председателем во главе, при деятельном участии акад. С. Ф. Ольденбурга, а также В. В. Бартольда и Л. Я. Штернберга, как членов бюро и секретарей. Добившись утверждения устава Комитета, В. В. Радлов попутно выхлопотал от Министерства Иностранных Дел, в ведении которого находился Русский Комитет, и ежегодную субсидию в размере 5.000 р. Почти одновременно с этим он добился и увеличения бюджета Музея на 2.250 р.

Отныне перед Музеем открылись широкие перспективы. И действительно, этот симбиоз двух учреждений, ютившихся под одной крышей, был чреват весьма выгодными для Музея последствиями. Об этом свидетель-

ствуют нижеследующие статистические данные. За 16 лет своего существования, т.-е. до 1918 г., Комитетом организован был целый ряд крупных экспедиций в Восточный Туркестан, западный Китай, Тибет, Индию и на Памир; далее — 65 командировок для лингвистических и этнографических исследований среди самых различных народов Сибири, Туркестана и соседних стран; 33 командировки по археологическим исследованиям и собиранию рукописей; 34 лицам выданы годовые пособия для обработки собранных ими научных материалов. Ценные собрания и материалы по археологии и древней письменности в восточном Туркестане поступили в МАЭ и частью в Азиатский Музей. И надо сказать, что Л. Я. был *spiritus movens* большей части начинаний Русского Комитета, и большинство крупных экспедиций предварительно разрабатывалось либо в Музее В. В. Радловым совместно с Л. Я., либо в бюро Комитета вместе с будущими участниками этих экспедиций, и в готовом, уже разработанном виде проекты подносились Русскому Комитету для санкционирования и финансирования.

Итак, в основу всей последующей деятельности Музея был положен принцип собирания путем систематических научных экспедиций и командировок, организованных в соответствии с нуждами Музея или с неотложной необходимостью спешно спасти памятники того или другого вымирающего народа, той или другой вымирающей культуры.

Но тут неизменно всплывало другое препятствие. Для экспедиции нужны этнографы, и не просто этнографы, хорошо подготовленные теоретически, а люди с практическим опытом, умеющие работать в поле. К сожалению, таких людей не было. Их надо было создать, и Л. Я. не остановился перед этим препятствием: он взял на себя трудную задачу — подготовить этнографов-теоретиков и полевых работников, знакомить их с коллекциями, снабжать их нужной литературой, инструктировать в полевой работе и попутно заражать их своей любовью к этнографии и к тем обездоленным примитивным людям, которых им предстояло изучать. Кто бывал в те годы в Музее, кто участвовал в музейных экспедициях и командировках, снаряженных при Л. Я. в Сибирь, на Дальний Восток и др. места, по его инициативе, под его руководством, или просто при его активном содействии, те помнят, конечно, сколько сил и времени было потрачено Л. Я. на это дело. Беседы теоретические и инструкционные, предусматривавшие к тому же всевозможные случайности и детали, продолжались целыми часами, иногда в день, нередко в течение ряда недель. Они продолжались даже по дороге домой, после службы, и очень часто и дома за обедом, а иногда и весь вечер, далеко за полночь. В каждого из уезжавших Л. Я. готов был вложить все свои познания, весь свой опыт, весь свой пыл, всю свою пытли-

вость. Участников наиболее важных экспедиций он подготавливал месяцами, читая им во время бесед целые курсы по первобытной религии, по шаманству, по социальной культуре, лингвистике, фольклору и инструктировал по методологии полевой работы. Особенно много времени было им потрачено на инструктирование В. В. Анучина, направлявшегося к енисейским осяткам, В. Н. Васильева, командированного в устье Енисея и в Якутскую область, и С. М. Широкогорова, уезжавшего в Забайкалье и Маньчжурию.

О характере этих инструкций некоторое представление может дать нижеследующая, случайно уцелевшая и найденная мною среди деловых бумаг Л. Я. письмо-инструкция от 11 февраля 1912 г. за № 27, адресованная Г. Н. Кутоманову в Среднеколымск Якутской области.

«Милостивый Государь, Григорий Николаевич! Ваш отец передал нам, что Вы заинтересовались Колымским краем и желаете собирать этнографические предметы для Музея. Музей сим высылает Вам 300 р. и просит на эту сумму собирать у *каждой*¹ народности, с которой вы столкнетесь (чукчи, юкагиры, ламуты, тунгусы, эскимосы) следующие предметы: 1) Полную упряжь к саням *оленим* и *собачьим*. Обращаю внимание, что у тунгусских народов упряжь бывает орнаментирована оленьими и лосиными волосами. 2) *Всевозможные* фигуры из мамонтовой кости, дерева и пр., выделяемые чукчами и коряками. Лучше всего, чтобы эти предметы были сделаны не на заказ, а приготовлены ранее, чем больше таких предметов будет собрано, тем лучше. Изучите способы приготовления, возраст мастера каждой вещи (ребенок, взрослый, подросток) и записывайте название и назначение каждого предмета. Если такой предмет имеет религиозное значение, то расспросите особенно подробно. 3) Всякого рода орнаментированную резьбу на кости у разных народов, особенно у ламутов, юкагиров и тунгусов. Особенно разнообразна эта резьба на костяшках оленьей запряжки. При приобретении этой резьбы подробно и многократно выясните у разных лиц, как называется: а) каждый вид орнамента, б) каждая фигура орнамента, например, кружочек, крестик, зигзаг, точки и т. п., и выясните значение этих терминов, т.-е. что значит в переводе тот или другой термин. Разряды второй и третий должны быть собраны в *наивозможно наибольшом количестве* объектов и их разновидностей. Расспросить имена и местожительство лучших мастеров таких предметов и постараться побывать у них. Собрать предания, откуда и от какого народа распространилось как скульптурное, так и резное искусство и какой народ считается самым искусным в этом деле. Если останутся средства, то дополнительно или попутно собирать а) шаманское облачение, при чем выяснить название и назначение каждой

¹ Курсив всюду в подлиннике. С. III.

подвески и Фигурки, на шаманском костюме и историю и церемонии приготовления каждого костюма или бубна; б) погребальные одежды, изготавливаемые в запас чукчами и коряками. 4) Идолы и амулеты разных народов. К каждому такому предмету необходимо выяснить туземное название, значение последнего, назначение и все те верования и представления, которые связаны с каждым таким предметом.

Путем расспросов разузнать следующее: 1) Какое значение имеют в глазах оленеводов *белые олени (домашние и дикие)*? 2) Употребляются ли домашние белые олени в запряжку и употребляют ли их в пищу. Если они считаются *священными*, то почему? Как поступают с белыми оленями после смерти их? Хоронят ли их известным образом, что делают с костями? Что делают с *подшейным* длинным волосом, не вырезают ли кожу под шеей с этими волосами и употребляют ли известным образом, хранят ли в особом месте? Нашивают ли на одежду и т. п.? Куда идут души таких оленей после смерти? Как выбирают белых священных оленей, с момента рождения или позже? Имеют ли белые олени отношение к солнцу и к предкам человека? Если белые олени считаются священными, то считаются ли таковыми *все*, или только избранные индивиды, и почему именно? Как относятся к подшейным волосам оленя? Не считаются ли эти волосы амулетами? Когда убивают дикого оленя или лося в тайге, то не вырезают ли на месте подшейный волос и вешают ли их на дерево и какое значение этому придается?

Какие предания имеются о происхождении оленеводства? Имеют ли ламуты и другие тунгусы в тайге деревья, на которых делаются шаманами разные изображения, укрепляются ли на них фигуры? Узнать *названия* таких деревьев, названия фигур на них и значение всего этого. О заманивании диких оленей с целью спаривания их с домашними? Какова судьба потомства этих животных? Далее, у чукчей узнать названия разных частей орнамента, главным образом орнамента, который вышивается белыми волосами на одежде и на колчанах. Прилагаю рисунки разных фигур чукотского орнамента.

Еще прошу узнать у каждой народности следующее: 1) допускается ли женитьба на дочери брата отца? 2) Допускается ли женитьба на дочери сестры матери? 3) Могут ли два человека жениться взаимно на сестрах друг друга, а если да, то могут ли дети таких браков, в свою очередь, вступить в брак между собой? 4) Считается ли более предпочтительным жениться на чужих женщинах или на кузинах, т.-е. дочерях брата матери, имеет ли человек половые права на жен своих братьев? Как называется дядя по отцу и дядя по матери?

К каждому приобретенному предмету привязывается этикетка с № предмета и в особой описи заносятся все данные об этом предмете. Что

касается пересылки предмета, то можно это сделать двояким образом. Или уложить их почтовыми посылками, весом не более пуда каждая и сдать на любой почтовой станции, которая обязана принять их бесплатно, заадресовав по прилагаемому образцу. Или же сдать под квитанцию на пароход Добровольного флота по тому же адресу. Расчет будет произведен в Петербурге».

Если такова была инструкция, данная случайному, не командированному Музеем собирателю, то можно себе представить, каковы были инструкции, так сказать, присяжным собирателям. И если таковы были инструкции письменные, то нетрудно себе вообразить, насколько обстоятельнее и детальнее были инструкции устные. Если бы можно было собрать все письма-инструкции, которые Л. Я. разослал за время своего служения в Музее, это составило бы, наверное, интереснейший в методологическом и инструкционном отношении том. Но до 1909 г. в Музее, к сожалению, не было даже никакой канцелярии, а когда уже было приглашено специальное лицо для канцелярской работы, то первые годы от исходящих бумаг не оставлялись копии.

Но единоличных инструкций было мало, тем более, что число заинтересовавшихся этнографией росло необычайно быстро, да и, кроме того, для Л. Я. было ясно, что необходима систематическая научная подготовка командруемых. И он открыл курс лекций-бесед по этнографии на материале Музея. Такие лекции-беседы читались им еще в 1904—1905 гг. группе педагогов, руководивших так называемой Смоленской школой для рабочих; и Л. Я. нелегально, с риском, по тому времени, понести строгую кару, несколько раз ездил в эту школу, помещавшуюся на далекой окраине Петербурга, на Шлиссельбургском тракте, и читал лекции по этнографии для группы рабочих, изучавших Музей.

В 1906 г. он читал лекции учителям средних школ, а с 1907 г. им читались уже систематические курсы лекций по этнографии для студенческого географического кружка при Петербургском Университете и для группы студентов Восточного Факультета того же Университета. Отдельно читались им лекции по эволюции верований для слушателей Педагогического Института. С 1909 по 1914 г., из года в год, читались лекции группам студентов-сибиряков, которые потом, уезжая на каникулы, производили ревностно сборы по определенным заданиям Л. Я., обогащая Музей коллекциями из самых разнообразных областей Сибири. Лекции Л. Я. привлекали много слушателей, в особенности, как мы указали, из числа студентов-сибиряков, которые потом, по окончании, оставались преданными друзьями Музея и ревностными собирателями материала для него.

С каким захватывающим интересом слушались тогда лекции Л. Я. и какое значение эти лекции имели для слушателей, из которых впоследствии вы-

шло целое поколение этнографов, общественных деятелей, профессоров и музейных работников, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, об этом свидетельствует ряд писем и воспоминаний. Вот что пишет в своих воспоминаниях одна из более ранних слушательниц, ныне доцент Ленинградского Университета и хранительница одного из отделов Эрмитажа, Н. Д. Флитнер: «Это был тот же захватывающий, совершенно поглощающий интерес, который переживается в детстве, когда читаешь одну из тех книг, которые впоследствии становятся особо памятными..... и слушатели становились фанатиками его дела». И далее: «Мало в жизни людей, имеющих право называться учителями. Л. Я. один из них. И не только словом учил он, сколько всем своим обликом, всей своей деятельностью... За его внешней суровостью всегда чувствовалась большая, светлая человеческая душа». Доцент Института Сельского Хозяйства и Лесоводства в Омске И. М. Шухов пишет в письме от 6 ноября 1927 г.: «Я один из учеников Л. Я., который работал под его непосредственным руководством... Л. Я. дал мне школу и не малую роль сыграл в моей жизни. Вот почему я всегда желал, чтобы Л. Я. здравствовал на многие годы». Профессор Иркутского Университета М. К. Азадовский в письме от 5 ноября 1927 г. пишет: «Для меня, как и для Виноградова¹ лекции Л. Я. значили чрезвычайно много и в значительной степени определили ход и направление дальнейшей работы».

С организацией этих частных курсов по этнографии, явилась возможность требовать от их слушателей при командировках — изучать язык исследуемых народностей, а также производить наблюдения по определенным заданиям, над определенными явлениями из области шаманства, близнечного культа, системы родства и т. д. И в результате сплошь и рядом привозился ценнейший материал как по новизне, так и по интересу.

Особенно большое значение Л. Я.* придавал изучению туземных языков при этнографических исследованиях. Вот что он писал по поводу тесной связи между этнографией и лингвистикой. «Сам В. В. с горечью неоднократно говорил о том, что, отправляясь на Алтай, он совершенно упустил из виду этнографические задачи. И разве этот печальный факт игнорирования лингвистами этнографии не повторяется до сих пор? Сколько молодых лингвистов возвращается после продолжительных лингвистических экскурсий, слишком поздно убедившись в том, сколько потеряно ими, благодаря их неподготовленности и игнорированию вопросов этнографии. С другой стороны, как много теряли и теряют этнографы благодаря своей неподготовленности в области лингвистики».²

¹ Г. С. Виноградов, профессор Иркутского Университета по кафедре русской этнографии.

² Статья Л. Я. Штернберга о необходимости основания Радловского Кружка (в рукоп.).

В другом месте Л. Я., однако, подчеркивает, что за время своего управления Музеем, В. В. Радлов, с его живым интересом ко всему и с его большой наблюдательностью, приобрел довольно солидные познания в области этнографии. Да и всем старым сослуживцам, вероятно, намятно, как часто В. В. Радлов обходил в служебные часы музейных работников, присаживаясь и подолгу беседуя, делясь запросто своими познаниями и простодушно расспрашивая обо всем, что ему было незнакомо и неизвестно.

Итак, уже с 1902 г. начинаются систематические планомерные научные экспедиции и командировки в различные области России, преимущественно на север и восток, т.-е. в Сибирь и на Дальний Восток. В 1902 г. была организована экспедиция Б. О. Пилсудского к айну о-ва Сахалина и В. Л. Серошевского в Маньчжурию и потом к айну о-ва Иесо (совместно с Б. О. Пилсудским). В 1906—1908 гг. были снаряжены две экспедиции А. В. Журавского и Н. В. Шабунина к самоедам Европейской России. К. Рычков в 1907—1909 гг. работал среди тунгусов Туруханского края, а также среди самоедов и юраков, причем собрал единственную в мире по полноте и интересу коллекцию по шаманству, не говоря уже о других богатых собраниях. Далее, в 1905—1910 гг. собраны командированным Музеем В. Н. Васильевым в Туруханском крае и в Якутской области обширные коллекции среди долган, якутов; позже им же сделаны сборы среди карагасов, сойотов и монголов. В. И. Анучиным в районе енисейских остяков собрана весьма полная коллекция из жизни этого вымирающего племени. Эти коллекции имеют исключительную ценность, ибо этим спасены были остатки вымирающей культуры. Далее, И. П. Толмачевым собрана (1910 г.) обширная коллекция среди чукчей Берингова моря. Среди бурят Иркутской губ. собраны обширные коллекции В. А. Михайловым и Ц. Ж. Жамцарано; В. А. Анохиным собрана ценная коллекция по культуре телеутов и алтайцев; Л. Я. Штернбергом (1910 г.) пополнены собрания Музея по народам приамурским; П. П. Малых (1911 г.) делал сборы среди уйгуров; Г. М. Осокин собирал в Монголии и Забайкальи; А. Е. Островских среди алтайцев и в Туруханском крае и т. д.

С 1912 г., с введением новых штатов, бюджет Музея возрос до 34.260 р., а с ним возрос значительно и научный персонал, и вся деятельность Музея, который мог теперь финансировать целый ряд сотрудников, командируемых разными отделами, в том числе, разумеется, и отделом Л. Я. В 1913 г. С. Д. Майнагашев делал сборы для этого отдела среди сагайцев Минусинского края; С. М. Широкогоров в 1915 г. работал среди ороchon Забайкальской обл., по культу и быту и повторно, в 1917 г., там же и в Северной Маньчжурии по изучению шаманства; Б. Э. Петри — среди

бурят Иркутской губ.; Г. Д. Федоров собрал коллекции по культу архангельских самоедов; И. М. Шухов — среди казымских остяков Березовского окр.; И. М. Суслов — среди тунгусов Туруханского края; В. К. Арсеньев — среди тунгусов Приамурской обл.; В. А. Иванов в Бухаре и пр. и пр. Нет возможности перечислить все имена и местности, где производились сборы, в особенности более мелкие, добровольцами-собираателями из числа слушателей Л. Я. Всего за время заведывания Львом Яковлевичем Сибирским Отделом поступило 14.879 предметов, т.-е. $\frac{3}{4}$ коллекций Отдела собрано при нем, причем следует сказать, что в настоящее время нет почти ни одной сибирской народности, которая не была бы более или менее полно обследована и так или иначе представлена в Музее.

Особенное внимание Л. Я. было обращено на собирание предметов культа — в этом отношении инструктирование им собирателей было особенно серьезно и детально — и в результате коллекции по культу, по полноте и научности описания, по ценности и подчас редкости, справедливо могут быть признаны единственными в мире; такими, по крайней мере, считал их сам Л. Я., успевший во время своих заграничных поездок осмотреть все лучшие этнографические музеи. В настоящее время в Сибирском Отделе имеется даже особый, организованный Л. Я., подотдел по сибирскому шаманству, где одних только шаманских облачений имеется 45, не говоря уже о многочисленных бубнах и прочих шаманских *paraphernalia*. Большинство экспедиций и исследований под руководством Л. Я. производилось преимущественно среди первобытных народов Сибири и Дальнего Востока, но не потому только, что, как хранитель этого Отдела, Л. Я. питал к ним особенное пристрастие. Правда, в этой области лежали и его личные научные интересы и исследования, но тут не малую роль сыграло то, что в этих местах экспедиции были наиболее доступны и в смысле финансовом, и в смысле наличия на местах работников, знакомых более или менее с языками примитивных народов этой области. Кроме того, как раз тут работу облегчал, как мы видели, Русский Комитет по Изучению Восточной и Средней Азии, финансировавший экспедиции и командировки. Толкало на эту работу и сознание необходимости спасти для науки культуру вымирающих или ассимилирующихся племен (карагасы, сойоты, енисейские остяки и т. д.), ибо тут всякое промедление — смерти подобно. Как бы то ни было, в результате не было уголка в Сибири и на Дальнем Востоке, куда бы зоркий глаз Л. Я. не проникал, так сказать, с вожделением, с жаждой разгадать ту загадку, которую представляло из себя данное племя, его происхождение, его былое, его язык, культ, социальный строй, материальная культура. И всюду, где только позволяли средства и наличие подходящих людей, он направлял экспедиции или отдельных лиц. Последней из намеченных им в этом направлении на 1928 г. задач была

экспедиция на Енисей к кетам для обстоятельного изучения языка и культуры этого вымирающего остатка древнего населения.

III. Параллельно с этнографическими сборами в пределах тогдашней России, с неменьшим интересом внимание Музея было направлено на прочие части света. Пред Л. Я. всегда стояла по отношению к Музею определенная, ясно сознаваемая двойная проблема: с одной стороны, дать по возможности полную картину статистики культуры самых различных народов земного шара, а с другой — представить ее эволюцию, ее динамику, иллюстрировать все фазы культурных достижений человечества в их последовательном развитии. И потому понятно, что он с одинаковым интересом относился ко всем отделам Музея, что все они были ему одинаково дороги и всем им он уделял свое внимание и заботы, всеми силами стараясь способствовать пополнению коллекций по наиболее бедным, обездоленным народам.

Но если в пределах тогдашней России было возможно производить сборы путем планомерных экспедиций и командировок, то нельзя того же сказать о сборах среди примитивных народов других стран, в особенности таких отдаленных, как Австралия, Океания, Индонезия, Америка и Африка. Для этого требовалось слишком много средств и особые специалисты. Издешь поневоле приходилось отступать от экспедиционного метода собственных сборов, приходилось, что называется, чужими руками жар загребать: приобретать уже готовые, собранные другими коллекции. Но все же и тут главное внимание обращалось на то, чтобы приобретаемые коллекции представляли по возможности цельные научные комплекты, и притом собранные специальными экспедициями или учеными путешественниками. Но и на это опять-таки требовались средства и средства.

И снова был пущен в ход весь гений, вся изобретательность обоих преобразователей Музея. Не знаю, кому первому пришла в голову мысль об организации оригинального для Академии Наук, совершенно неведомого в ее истории своего рода финансового учреждения, так называемого Попечительного Совета для изыскания средств для Музея. Но идея родилась, и ее осуществление, ее проведение в жизнь, все это было уже делом В. В. Радлова. Он же приглашал членов этого Совета, таких финансовых представителей, как нефтяной король Е. Л. Нобель, фабрикант К. К. Шейблер, инженер В. Ю. Шотлендер и др., ставших потом преданными друзьями Музея, заразившись энтузиазмом В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга, состоявшими *ex officio* членами этого учреждения. Для вящего соблазна этих капиталистов В. В. Радлов добился того, что во главе Попечительного Совета стал б. герцог Лейхтенбергский — В. В. Радлов обладал особым талантом улавливать людей.

Уже с самого своего основания в 1908 г. Попечительный Совет стал

оказывать Музею огромные услуги. В первый же год его существования, на средства члена Попечительного Совета, В. Ю. Шотлендера, был выстроен 3-й этаж музейного здания; на средства этого же Совета был приобретен ряд коллекций за границей, снаряжены экспедиции и пр. В частности на средства одного из членов, именно Б. А. Игнатьева, пожертвовавшего 50.000 р., была снаряжена в 1914 г. экспедиция в Индию. Была уже готовность финансировать проектировавшиеся новые экспедиции в Индонезию, Австралию, Африку и Южную Америку, но вспыхнувшая война сразу пресекла все планы и предначертания.

Наряду с обогащением Музея, благодаря финансированию его членами Попечительного Совета, пополнение его совершалось путем обмена коллекциями с заграничными музеями или просто дарами заграничных жертвователей. Тут услуги Л. Я. оказались особенно ценными.

Начиная с 1903 г., он многократно был командирован с научными целями за границу, как для изучения заграничных музеев, так и на ученые конгрессы, в особенности на Конгрессы Американистов (1904, 1908, 1912 и 1924 гг.). В 1903 г. Л. Я. был командирован в Западную Европу для изучения музейного дела, в 1905 г. с той же целью — в Нью-Йорк и Вашингтон, в 1909 г. — в Прагу для осмотра с целью покупки коллекций Фрича из Южной Америки. Каждая его поездка за границу, благодаря встречам с учеными и с представителями этнографических музеев и благодаря завязывавшимся тесным личным связям, сторицей вознаграждали Музей за расходы по командировке. Способность Л. Я. быстро знакомиться и сближаться приобрела ему много друзей в мире иностранных ученых, которые охотно шли навстречу его предложениям не только об обменных сношениях с нашим Музеем, но и о нашем участии, если не активном, то финансовом, в организации совместных экспедиций. Иногда эти связи и знакомства приводили к тому, что Музей обогащался ценнейшими дарами — богатыми, обширными коллекциями. Правда, такие дары не всегда делались бескорыстно: иногда это была своеобразная форма обмена на чины и ордена царского правительства — слабость, которой в дореволюционное время грешили даже некоторые заграничные ученые, но как бы то ни было, Музей стал усиленно пополняться коллекциями из самых отдаленных мест за пределами тогдашней России. Во многих случаях тут несомненно сыграли роль тот престиж и те старые связи, которые сохранил В. В. Радлов за границей, особенно в Германии. Разграничивать тут в каждом отдельном случае сферу влияния В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга было бы, однако, задачей нелегкой и нецелесообразной, и ниже, во всех сомнительных случаях, достаточно будет просто подчеркнуть рост того или иного соответственного отдела под влиянием их обоих.

После многолетнего перерыва за годы войны и разрухи в сношениях с внешним миром, после снятия блокады и прочих запретов, возобновились и научные сношения между учеными и научными учреждениями Запада и Востока. Возобновил свои связи и Музей, командировав в 1924 г. для участия в работах очередного Конгресса Американистов Льва Яковлевича. За 3½ месяца своего пребывания за границей Л. Я. успел побывать в Голландии, Швеции, Дании, Англии, Франции и Германии, воскрешая старые связи с ученым миром или завязывая новые, принимая активное участие в работах Конгресса, на котором он сделал большой доклад, и благодаря личным симпатиям и уважению к нему со стороны многих участников Конгресса и других ученых, содействовал, с своей стороны, ослаблению того недоверия и подозрительности, с которыми относились тогда в связи с Октябрьской Революцией к науке в СССР и к ее представителям. Более конкретные результаты этой поездки для Музея выразились в том, что Л. Я. добился в Стокгольме компенсации за финансовое участие в довоенной (в 1914 г.) совместной экспедиции в Мексику, лично отобрав в запасных кладовых Стокгольмского Музея (где, несмотря на сильное обострение своего недуга, он проводил целые дни) ряд коллекций по разным народностям Америки, Африки и Австралии в составе более 500 предметов. Кроме того, в Копенгагене он получил и переправил в Музей хранившуюся при Датском Колониальном Управлении большую (230 №№) коллекцию из быта гренландских эскимосов, собранную незадолго до войны по поручению Музея и по инструкции Л. Я. через посредство супругов Хатт, работавших в нашем Музее целый год по изучению типов одежды. Наконец, в эту же поездку им добыта для библиотеки Музея большая этнографическая и антропологическая литература, в особенности в Лондоне. Параллельно отбирал литературу в Париже для той же цели другой участник Конгресса, В. Г. Богораз, и в общем Библиотека Музея обогатилась в том году 360 пудами новой литературы, полученной из-за границы.

Не мало способствовало популярности Музея за границей и укреплению научных связей то внимательное и предупредительное отношение к посетителям из иностранных ученых, которое они неизменно встречали со стороны В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга. Многим из сослуживцев должно быть памятно, как часто Л. Я. целыми часами водил приезжих гостей по Музею, демонстрируя и объясняя музейные богатства и широко делясь своими идеями и знаниями.

Для иллюстрации отношения иностранных ученых к Л. Я. и вытекавших из этого конкретных результатов для Музея приведу следующие факты. В 1912 г. директор Музея в Буэнос-Айресе, Хуан Амброзетти, член Конгрессов Американистов, приехал в Петербург не столько для

осмотра нашего Музея, сколько для того, чтобы провести, как он писал, некоторое время в общении с Л. Я., к которому он относился с большой симпатией и уважением. Для свидания с ним он не остановился даже перед поездкой к нему в Финляндию на дачу, расположенную в 10 км в сторону от железной дороги, за ст. Уссикирко. Это свидание имело весьма конкретные последствия для Отделов Южной Америки и Археологии. Характеризует отношение Х. Амброзетти к Л. Я. также то, что достаточно было рекомендательного письма от Л. Я. к нему, чтобы группа студентов, поехавших весной 1914 г. с ничтожной субсидией от Музея в Южную Америку для изучения индейцев и сборов среди них, встретила со стороны Амброзетти самое внимательное и активное содействие вплоть до субсидирования их деньгами — и Музей получил ряд ценных коллекций. Так же сердечно было отношение к Л. Я. директора Стокгольмского Музея Гартмана, который, приехав в Петербург, проводил с Л. Я. целые вечера и впоследствии организовал общую с Музеем экспедицию в Мексику. Такое же значение для Музея имели связи с крупнейшим американским этнологом, Францем Боазом, который содействовал организации экспедиции в Канаду для сборов для нашего Музея; далее, связи с известным мексиканистом, проф. К. Прейсом, ныне директором Берлинского Музея Народоведения, благодаря которому собрания по Центральной Америке обогатились необычайно полной, собранной под его руководством, коллекцией из жизни индейских племен кора и хуичол, и пр. и пр. Все эти связи щедро обогащали Музей и поднимали престиж и Музея и русской науки. К характеристике отношения к Л. Я. со стороны заграничных ученых приведу еще следующий небезынтересный факт: его шведские друзья в Стокгольме, в годы революции и разрухи, узнав из газет про тяжелые условия жизни в Ленинграде, дошли до того, что *propter motu* выразили готовность выслать нужную сумму денег и оказать содействие в переезде не только самого Л. Я., но и его семейства за границу, о чем и написали ему. Л. Я., хотя и был растроган этой заботливостью и вниманием, только снисходительно улыбнулся. Да, это было наивное предложение для человека такого закала, как Л. Я.: ни на одну минуту нельзя было представить себе его в положении эмигранта, навсегда отрезанного от родины, любимого народа и любимого дела. Характерно также письмо проф. Тальбицера из Копенгагена от 10 октября 1927 г., в котором он, узнав о смерти Л. Я., своего «дорогого друга», между прочим, пишет: «Ваша страна потеряла в нем человека блестящего ума, искреннейшей и благороднейшей души, искателя идеальнейших и гуманнейших истин, выдающегося человека науки». Точно так же всемирно известный Smithsonian Institution в Вашингтоне в письме от 17 октября 1927 г. пишет, что в лице Штернберга «этнография всего

мира» понесла «большую потерю». В том же духе письмо проф. Прейса и мн. др., а проф. Франц Боаз пишет, что он «гордится, что мог считать его в числе своих друзей».

Конкретно участие Л. Я. в обогащении коллекциями других Отделов Музея выразилось в следующем. До 1905 г. Отдел Северной Америки, также бывший в течение ряда лет в заведывании Л. Я., пополнялся исключительно случайными поступлениями, и хотя в нем были ценнейшие старинные коллекции, но все они представляли лишь культуру северо-западной части этого материка, а именно алеутов, западных эскимосов и тлингитов, и совершенно не была представлена в Музее культура прочих индейцев и эскимосов. Но вот в 1905 г., во время командировки Л. Я. в Америку, он, на основе обмена, отобрал в Нью-Йоркском Museum of Natural History ценные коллекции из быта полярных и гренландских эскимосов, а также лесных и равнинных индейцев, всего около 300 предметов. В 1908 г. по его поручению приобретена через В. В. Святловского коллекция из быта индейцев Канады. В 1911 г., благодаря связям, которые им же были завязаны со Стокгольмским Музеем, получены предметы культа, собранные среди алгонкинов, прокезов, сиу и маскоков. В 1914 г. по заказу Музея, согласно инструкции Л. Я., была собрана Датским Колониальным Управлением коллекция из быта гренландских эскимосов (из-за войны она задержалась, и прибыла лишь в 1924 г., благодаря личным хлопотам Л. Я. в Копенгагене). Наконец, в последнюю же свою поездку в Западную Европу в 1924 г. Л. Я. в числе отобранных в Стокгольме для нашего Музея коллекций доставил и собрание из быта равнинных индейцев. Таким образом, усилиями и заботами Л. Я. Отдел Северной Америки получил возможность представить более или менее полно культуру туземцев не только северо-западной части этого материка, но и культуру прочих как индейских, так и эскимосских племен, расширив тем Отдел почти вдвое против прежнего.

Если Отдел Северной Америки, благодаря Л. Я., значительно обогатился и пополнился, то Отдел Центральной и Южной Америки, которым он заведывал до 1909 г., можно сказать, всецело им создан. До 1903 г. в этом Отделе было всего 257 предметов, из которых интерес представляли лишь коллекция Лангсдорфа, собрания керамических изделий из Мексики — дар Екатерины II Кунсткамере в 1783 г., и коллекция 1791 г., полученная от португальского проф. Агајніо. Остальные предметы представляли разрозненные малоценные в научном отношении объекты — жертвоприношения любителей. Но вот в заведывание Отделом вступил Л. Я., и уже с 1903 г., т.-е. в самый разгар первого перевыставления Музея в расширенном помещении, начинается поистине колоссальный рост этого Отдела: доста-

точно сказать, что к концу 1913 г. он уже насчитывал 6.866 предметов, т.-е. увеличился в 27 раз; эти коллекции приобретены опять-таки исключительно благодаря личным связям Л. Я., преимущественно в результате его участия на Конгрессах Американистов. И что особенно ценно здесь, это то, что огромное большинство этих поступлений представляет более или менее полные этнографические комплекты, собранные лицами, которые в течение многих лет работали в определенных районах. Таковы коллекции Фрича из Бразилии, Парагвая, Боливии и Аргентины, коллекции Германа Мейера из Бразилии же, собранные среди крайне примитивных племен по р. Шингу; далее, коллекция О. Менгельбира из быта араукан, коллекция д-ра Бейера от различных мексиканских племен; коллекции проф. Прейса из жизни племен кора и хуичол; наконец, замечательная коллекция муляжей с монументальных изображений божеств из древнего храма в Колумбии, из доколумбийской эпохи, приобретенная на средства члена Попечительного Совета, проф. В. Святловского. Укажу также на необычайно интересную коллекцию (300 предметов), собранную некогда бар. Г. Г. Гинцбургом в Эквадоре и Гвиане и подаренную Музею, при содействии Л. Я., частью наследником собирателя, Д. Г. Гинцбургом, частью жертвователем Музея, Е. И. Александером, откупившим для Музея остальную часть. 75% южно-американских коллекций получены, как дар, либо от самих собирателей, либо от жертвователей, как Герман Мейер, Л. Н. Скидельский, Е. И. Александер и др. Этим лицам указывалось на желательность приобретения данной коллекции, и они ее покупали, в награду за что получали иногда от царского правительства ордена и чины, добывать которые, впрочем, было делом далеко нелегким и лежало на обязанности В. В. Радлова.

Не мало способствовал Л. Я., благодаря своим заграничным связям, обогащению и других Отделов Музея.¹

Собрания по Малайскому архипелагу обогатились в 1904 г. большой коллекцией (450 предметов), собранной Машмейером на о-ве Суматре, среди каро-батаков; далее, из Гамбургского Музея Народоведения была приобретена обширная (886 предметов) коллекция с западных Каролинских о-вов и изумительная по полноте (2000—3000 предметов) и научной ценности коллекция проф. Грубауера, собранная им на Борнео, Суматре, Яве, Бали и Цейлоне, и приобретенная Музеем в 1914 г. на средства членов Попечительного Совета Е. Л. Нобеля и К. К. Шейблера. Сюда же следует прибавить коллекцию из 710 предметов с Молуккских о-вов, привезенную

¹ По отношению к нижеописанным Отделам, как я уже указала выше, во многих случаях уточнить долю влияния Л. Я. и В. В. было бы очень трудно, и потому ограничиваюсь общими указаниями на их быстрый рост, несомненно связанный в весьма значительной степени с участием Л. Я.

в 1922 г. с большим трудом, с большой заботливостью, на последние крохи, учительницей А. Я. Смотрицкой и слесарем-механиком А. С. Эстриным и, по предложению Л. Я., охотно пожертвованную ими Музею.

Собрания по материке Австралии (не считая Океании) были более, чем скудны: из этой части света было всего 17 предметов. Вскоре начался быстрый рост этого отдела: прибывают поступления от А. Ященко (114 предметов) и обменные поступления из австралийских музеев (228 предметов), полученные при содействии проф. В. В. Святловского, командированного в 1907 г. в Н. Зеландию Петербургским Университетом и, по поручению Музея, завязавшего попутно обменные сношения с австралийскими музеями. В 1910 г., благодаря финансовому участию Музея в экспедиции Стокгольмского Музея, получена коллекция Yngve Laurell'a из северо-западной части материка Австралии (586 предметов). И таким образом вырос целый новый Отдел.

Отдел Африки начал пополняться, главным образом, с 1909 г., т.-е. после учреждения Попечительного Совета, когда явились средства для приобретения новых коллекций в связи с установившимися, благодаря командировкам Л. Я., более тесными сношениями с заграничными странами. Из этих собраний назовем: коллекции Мансфельда из Камеруна (500 предметов)—дар Германа Мейера; коллекцию О. Б. Манасевича из Южной Африки и области Конго (300 предметов); коллекции из быта племени гаусса (305 предметов), поступившие от Е. И. Александера и Лейпцигского Музея; далее следует отметить знаменитую, чрезвычайно редкую коллекцию танцевальных масок и прочих предметов культа, собранную известным исследователем Африки, Фробениусом, среди суданских негров, и поступившую из Гамбургского Музея в 1910 г. В 1912 и 1913 г. поступили коллекции из разных мест Африки (544 предметов), приобретенные от Берлинского Музея Народоведения (дар члена Попечительного Совета В. В. Святловского), и коллекция Линдблома из экспедиции Стокгольмского Музея в Восточную Африку (176 предметов). Назовем также коллекцию д-ра А. И. Кохановского из Абиссинии (241 предметов), С. Б. Сморгжевского из быта туарегов и кабиллов и т. д. Сюда же следует причислить коллекцию Н. Гумилева из Восточной Африки (128 предметов), этого первого командированного Музеем в Африку собирателя, инструированного Л. Я. Наконец, в 1924 г. лично Л. Я. отобрано в Стокгольмском Музее 197 предметов для Отдела Африки. В общем прирост собраний Отдела за время с 1902 по 1927 гг. достигает цифры 3687 предметов, иначе говоря, коллекции Отдела увеличились втрое.

Не без участия Л. Я. развивались и росли и другие отделы: Отдел Культурных Стран Азии, в особенности подотдел Япония, также собрания

из Персии, Хивы, Бухары и пр., благодаря экспедициям Русского Комитета и плановым экспедициям Музея.

Особенное внимание и интерес проявлял Л. Я. по отношению к Отделу Археологии. Материалы этого Отдела по культуре ископаемого доисторического человека и археологический материал позднейших периодов он считал крайне важными для общей картины эволюции культуры и для генетического изучения культуры ныне живущих народов, отсталых в культурном отношении, ибо и самые низшие из современных культур — тоже продукт долгого процесса развития из форм еще более примитивных, уже отошедших. И все мероприятия, клонившиеся к росту Отдела Археологии, он всегда радостно приветствовал, со своей стороны стараясь всеми силами содействовать его развитию. Между прочим Льву Яковлевичу Отдел обязан археологическими коллекциями из Южной Америки, полученными от Фрича, Амброзетти и др.

Если до сих пор участие Л. Я. на конгрессах и заграничные его командировки давали Музею научные и обменные связи, преимущественно с Западной Европой и Америкой, то участие его в конце 1926 г. на III Международном Всетихоокеанском Конгрессе в Токио открыло Музею новые возможности, которые несомненно не замедлили бы сказаться в весьма осязательной форме, если бы смерть не унесла Л. Я. так неожиданно и так преждевременно...

Участие в работах этого Конгресса дало Л. Я. возможность завязать тесные связи с выдающимися деятелями из области тихоокеанской этнологии, а также с местными антропологами. Так, через проф. Griffith Talor'a в Сиднее он установил связи с музеями и другими научными учреждениями Австралии; через проф. M. Brown'a — с Новой Зеландией; через Sir Hubert Murray — с Новой Гвинеей; через W. H. Brown'a, директора Научного Бюро в Манилле — с учреждениями на Филиппинах; через геолога E. Y. Willburn'a — с учреждениями Малайского архипелага; через проф. Schriecke в Батавии — с Нидерландской Ост-Индией и через этнолога Handy — с научными учреждениями Гонолулу. Через этих лиц должен был установиться, согласно взаимному обещанию, обмен с нашим Музеем. Затем, в самой Японии установлена связь с руководителями Антропологического Института при Токийском Университете, а также с известным ученым, д-ром Torii, с председателем Фольклорного общества, проф. Ямагида, с айнологом Киндаити и многими другими учеными. От них уже получен ряд ценных изданий и археологическая коллекция (от Антропологического Института в Токио). От проф. Н. А. Невского получены объекты культа с о-вов Лиу-Киу и обещание дальнейших присылок в обмен за приславшиеся ему Л. Я. книги. Наконец, нужно указать, что сам Л. Я.

привез из Японии коллекцию в 120 предметов, фигурировавших весной 1927 г. на Тихоокеанской выставке, устроенной в большом конференц-зале Академии Наук, а также значительное собрание этнографической литературы на английском и японском языках. Кстати о выставках. В 1906 г. была устроена при активном участии Л. Я. выставка новых поступлений в большом конференц-зале Академии Наук. В 1906 г. Л. Я. принимал деятельное участие в Этнографическом Отделе Всемирной Выставки Костюмов и выставки «Детский мир». Это участие Музея своими экспонатами обогатило его этнографическими материалами и большим количеством манекенов, пожертвованных администрацией указанных выставок.¹

IV. Развитие Музея шло, таким образом, гигантскими шагами. Уже в 1908 г., спустя 4—5 лет после первого периода музейного строительства, стала ощущаться снова невероятная теснота. Шкапы были до такой степени перегружены, что, казалось, сами коллекции вопили о недостатке света и воздуха и сами стены кричали о необходимости расширения помещения. Не имея возможности расти вширь, Музей стал расти ввысь: необычайный приток коллекций вынудил обоих преобразователей Музея решиться на сооружение недопустимого вообще в музеях типа очень высоких шкапов, ибо это увеличивало во втором этаже выставочную площадь на целую треть.

Но скоро и это не помогло. Тогда-то пришел на помощь вышеупомянутый Попечительный Совет. Среди его членов нашелся щедрый жертвователь, инженер Ф. Ю. Шотлендер, выстроивший на свой счет (80.000 р.) третий этаж и попутно пристройку, давшую шесть новых рабочих кабинетов, помещение для фотографической мастерской, обслуживающей нужды Музея; он же провел и центральное отопление в здании.

Этот второй период строительства дал возможность развернуть три новых Отдела: Археологический, Центральной и Южной Америки и Туркестанских Древностей, собранных экспедицией акад. С. Ф. Ольденбурга. Кроме того, во вновь возведенном третьем этаже была помещена и перевезенная из Эрмитажа так называемая Галлерей Петра I. Перемещение в Музей Галлерей было, нечего греха таить, со стороны В. В. Радлова тактическим ходом, подкрепившим первый тактический шаг его — исходатайствование разрешения на переименование Музея в «Музей имени Петра Великого». Дело в том, что под Музей подкапывались в то время некоторые влиятельные лица и учреждения, и были моменты, когда была угроза самому существованию Музея. И вот В. В. Радлов, воспользовавшись двухсотлетием существования Петербурга, укрепил положение Музея этим переиме-

¹ К 70-летию В. В. Радлова, 57.

нованием, а для наглядного оправдания этого названия добился и перевозки памятников петровской эпохи.

Но рост Музея продолжался. Приток коллекций шел *crescendo*, шкапы снова оказались переполненными до отказа. Тут опять В. В. Радлов выявил всю свою энергию и настойчивость, неизменно странствуя от инстанции к инстанции в своих ходатайствах, пока не дошел до самого царя. Во время своей аудиенции у царя он говорил о своем любимом детище—Музее, о необходимости его расширения и т. д. Энтузиазм старика в связи с его удивительной простотой и непосредственностью, повидимому, произвели впечатление на Николая II, и тот обещал приехать в Музей. Вопреки своему обыкновению часто обещать и редко исполнять, царь на сей раз свое слово сдержал. 5 марта 1914 г. он приехал в Музей и, после осмотра коллекций, В. В. Радлов ознакомил его с лежавшим наготове планом будущего расширения Музея за счет непосредственно прилегавшего здания бывшей Кунсткамеры. Царь обещал принять меры; В. В. Радлов, а с ним и весь персонал Музея, возликовал, считая, что теперь заветная мечта последних лет его жизни близка к осуществлению.

Но ждать, увы, пришлось одиннадцать лет, и В. В. Радлову не суждено было дожить до этого счастливого момента. Вспыхнула мировая война, и с нею надолго рухнули все музейные надежды и перспективы. В. В. Радлов по мере того, как затягивалась война, с каждым днем все более и более падал духом, и то, что так поддерживало его бодрость в последние годы, несмотря на преклонный возраст, что казалось ему таким близким, что было последней мечтой его жизни, все более и более отдалялось и тускнело, и он на глазах таял... Удрученный войной и этим разочарованием, до крайности истощенный от недоедания (тогда еще не было Комиссии по Улучшению Быта Ученых, спасшей жизнь многим ученым) он, медленно угасая, 14 мая 1918 г. тихо скончался.

В связи с упадком энергии и сил В. В. Радлова, еще при жизни его, по инициативе Л. Я. были организованы в 1915 г. систематические заседания всего ученого персонала Музея, под председательством В. В. Радлова, для обсуждения разных музейных вопросов. Заседания эти, носившие сначала лишь научно-организационный и совещательный характер, немедленно после февральской революции 1917 г. приняли характер, так сказать, законодательный, опять-таки под председательством В. В. Радлова, и отныне все музейные постановления утверждались лишь, по сложившемуся обычному праву, с согласия большинства Совета. После смерти В. В. Радлова, по ходатайству Совета, назначение нового директора было отсрочено на год, и председателем Совета был Л. Я., вплоть до 1 мая 1922 г., когда директором Музея был назначен акад. В. В. Бартольд (согласно

уставу Академии Наук, директором Музея может быть только академик), а спустя несколько месяцев, за отказом последнего, пост директора Музея занял акад. Е. Ф. Карский, стоящий и поныне во главе Музея.

О том, как тяжело переживал Л. Я. смерть В. В. Радлова, с которым он был в близких дружеских отношениях, и общение с которым доставляло ему высокое наслаждение, знали только близкие. Он сознавал также, что отныне на него, как на председателя Совета, падала и вся тяжесть по хлопотам и ходатайствам по музейным делам перед властью и разными учреждениями.

Но жизнь Музея постепенно замирала: холод и голод — плохие помощники в работе. Все заботы сводились, главным образом, к охране музейных богатств от порчи, от холода и сырости в нетопленном помещении и пр. Замирала и внемузейная работа. О новых экспедициях и командировках, за немногими исключениями, пришлось отложить всякое попечение; война парализовала всю инициативу, все возможности, и научно-исследовательская и коллекционная работа Музея, хотя и продолжалась, по мере сил и возможности, но шла уже больше по инерции, и заканчивалась преимущественно начатая раньше работа. Пути на юг и на запад были отрезаны, да и средств не было; оставалась доступной лишь дорога на восток и на Дальний Восток, чем Музей и воспользовался, успев командировать в 1916 г. Н. И. Конрада для сборов в Корею и на о-ве Формозе и С. М. Широкогорова в 1917 г. для завершения начатой им раньше (в 1915 г.) работы среди ороchon Забайкалья и для изучения шаманства в Северной Маньчжурии; продолжалась также экспедиция Готье на Памире.

Этот невольный вынужденный перерыв в экспедиционной и коллекционной работе Музея за годы войны и разрухи Л. Я. использовал для другого затеянного им дела — для основания высшей этнографической школы. Тут не место говорить об этой школе, и я скажу о ней лишь постольку, поскольку она была связана с Музеем.

Уже с самого своего основания школа эта, под именем Высших Географических Курсов, а впоследствии — Географического Института, находилась в контакте с Музеем, ибо В. В. Радлов, хотя и номинально, считался ее главой. И этот контакт вполне естественен: ведь, в сущности, в стенах Музея и зародилась эта школа, ведь, начиная с 1904 г. и по 1914 г., здесь Л. Я., как мы видели, неизменно читал разным группам студентов и педагогов свои разнообразные курсы по этнографии. И роль, которую играл Л. Я., как основатель и глава этнографической школы с одной стороны, и роль его в Музее, как старшего этнографа и фактического руководителя Музея за последние годы жизни В. В. и после его смерти, — с другой, естественно спаивала оба учреждения. И контакт этот становился с каждым

годом все теснее и теснее, по мере того, как слушатели этнографической школы стали посещать Музей, как наглядную практическую школу для своих теоретических познаний. И нередко Л. Я. (а впоследствии с 1922 г. и В. Г. Богораз) читали тут же свои лекции, чтобы иметь под рукой необходимый иллюстрационный материал. По мере роста и развития этнографической школы, работа со студентами в Музее вошла в программу ее, и за последние несколько лет тут ведется систематическая работа со студентами: всем студентам-этнографам для получения диплома вменяется в обязанность поработать хоть один сезон в поле, т.-е. среди какой-нибудь примитивной народности из избранного каждым цикла, а практическую подготовку для этого они получают в Музее, знакомясь с объектами и их назначением.

Но вот прошли, наконец, тяжелые годы гражданской войны и разрухи, прошел голод и холод. Нормальная жизнь в СССР опять стала налаживаться. Воскресла и жизнь в Музее: стали отапливать здание, и персонал вернулся к регулярной работе. Ожил и Л. Я., так мучительно переносивший при своем тяжком недуге эти голодные годы, и ожили прежние мечты о расширении музейного помещения. Л. Я. видел в этом не только насущную потребность для Музея, но и долг перед покойным В. В. Радловым, память о котором была окружена для него каким-то пиететом.

Но задача была не из легких, тем более, что к этнографии, как к науке молодой, многие продолжали относиться несколько свысока, и интересы Музея всегда отодвигались на задний план. Изменилось это положение лишь в 1925 г., когда Академия Наук стала готовиться к 200-летнему юбилею, и советская власть так охотно и щедро пошла навстречу всем начинаниям и ходатайствам Академии. Но и тогда Музей при распределении сумм на строительство был отнесен в одну из последних очередей, что причинило не мало беспокойства и волнений персоналу Музея. Предстояла огромная работа по ремонту вновь отведенного помещения, по переустройству его применительно к нуждам и планам Музея, по проводке электричества, по мебелированию и пр. и пр. По обыкновению, особенно волновался и тревожился Л. Я.

И тут Л. Я. оказался достойным преемником В. В. Радлова и деятельным членом Совета. Новая власть была легко доступна, но потрудиться все же пришлось не мало. И надо сказать, что в этом деле большое содействие оказал В. Г. Богораз. Они оба ловили всякий удобный случай, каждый приезд из Москвы представителей Главнауки, чтобы твердить о нуждах Музея в связи с предстоящим переустройством его. В конце-концов все необходимые работы были закончены во время, и хотя часть выставочной мебели была готова лишь в половине или в конце июля 1925 г., т.-е. за какой-нибудь месяц-полтора до юбилейных торжеств, тем не менее общими

усилиями всего штатного персонала Музея и вольнонаемных работников, работа закипела, работали не за страх, а за совесть, работали иногда целыми ночами. И тут опять не малую роль сыграла этнографическая школа: все эти добровольные помощники были набраны из числа окончивших Географический Институт этнографов или из студентов-этнографов университетов. И вот совершилось чудо, поистине чудо: в каких нибудь два-три месяца, а некоторые Отделы (Америка, Африка) даже в месяц, Музей был выставлен и хорошо выставлен к юбилейным торжествам и блеснул пред иностранными гостями, признавшими его одним из лучших музеев в Европе. Но я забежала вперед.

Вернемся к доюбилейному периоду. Для своевременного выставления, кроме ремонта и омеблирования и т. п., надо было преодолеть еще два препятствия. Предстояло прежде всего получить во что бы то ни стало те коллекции, которые были собраны за границей, и в первую голову — коллекции из экспедиции Мерварт, которые должны были составить основную часть нового Отдела Индии. Эти коллекции были оставлены собирателями в Индии вследствие невозможности их вывоза оттуда и ввоза в Ленинград из-за блокады. В своих непрерывных поисках способов и путей для их спасения для Музея, Л. Я. «в результате двухлетних хлопот по разным инстанциям», как он писал в письме к Мервартам, набрел, наконец, на счастливую мысль — использовать для этого услуги командированного в Лондон в 1923 г. акад. Ф. И. Щербатского. Последний весьма охотно пошел навстречу нуждам Музея и, при содействии тогдашнего Комиссара по Внешней Торговле, Л. Б. Красина, к которому Л. Я., знавший его давно, дал письмо, добился привоза в Лондон и оттуда в Ленинград той части этих коллекций (71 ящик), которые хранились в Калькутте. Кстати, любопытна в этом эпизоде следующая деталь: когда все уже было налажено, английское правительство наложило запрет на вывоз коллекций, но тогда Л. Б. Красин заявил, что он наложит запрет на возвращение некоторых рукописей Британского Музея, находившихся тогда в СССР, и инцидент был улажен.

Добрая половина индийских коллекций продолжала, однако, лежать в Коломбо и Мадрасе, что очень озабочивало Л. Я. К счастью совершенно неожиданно, подвернулся следующий случай. Однажды Л. Я. случайно встретился в одном доме с неким Красинским. Узнав, что тот собирается в плавание в Японию, Л. Я., после наведенных справок о его личности, пустил в ход всю свою энергию и все влияние, чтобы снабдить т. Красинского соответственными полномочиями для вывоза коллекций в Ленинград. И т. Красинский не остановился пред необходимостью свернуть с прямого пути в сторону, в Коломбо и Мадрас, и блестяще, и притом совершенно бескорыстно, выполнил возложенное на него поручение, попла-

тившись в награду за свои труды временным арестом и другими неприятностями со стороны индийских властей за самовольный въезд в страну, в качестве коммуниста, без особого на то разрешения.

Но для использования прибывших коллекций, долженствовавших составить основную часть вновь организуемого Отдела Индии, необходимо было присутствие самих собирателей, ибо при коллекциях не оказалось ни списков, ни описей, очевидно, затерявшихся где-нибудь по дороге при пересылке их по почте в годы мировой войны; это делало коллекции без их собирателей мертвым капиталом. После усиленнейших хлопот и ходатайств со стороны Льва Яковлевича (и В. Г. Богораза), удалось организовать приезд супругов Мерварт, и явилась возможность развернуть к юбилейным торжествам два новых Отдела: Индии и Индонезии.

Вторым препятствием для быстрого переустройства Музея был недостаток рабочих рук, и расширение научного персонала Музея являлось злободневным вопросом, ибо было до очевидности ясно, что с наличным персоналом справиться с предстоящей музейной работой, при той спешности, которая требовалась, будет невозможно. По предложению Л. Я. Совет Музея возбуждает ходатайство об увеличении штатного ученого персонала Музея шестью молодыми научными сотрудниками из числа окончивших высшее учебное заведение этнографов; ходатайство встречает поддержку в Главнауке, новые штаты быстро проходят в Москве, но каково же было волнение и разочарование Льва Яковлевича, когда, по какому то недоразумению, оказалось, что разрешено увеличение штата не научных сотрудников, а «младших служащих». Но жаждавшие этнографической работы, преданные своему учителю ученики не остановились пред этим препятствием и ревностно принялись за работу, осуществив этим на деле, как достойные ученики, то, на что был готов в свое время их учитель, мечтавший о службе в Музее хоть сторожем. Но их было всего четыре человека (две вакансии были заняты настоящими младшими служащими), а сил требовалось гораздо больше. Пришлось призвать на помощь еще учащуюся молодежь Географического Института. Она, правда, охотно откликнулась на призыв, самоотверженно готовая работать безвозмездно; но Л. Я. был далек от мысли их эксплуатировать, и после долгих хлопот пред Главнаукой, в конце концов, утверждена была ассигновка в 3000 р., давшая возможность, правда более чем скромной, оплаты этих временных помощников.

Этим завершился третий период музейного строительства и на сей раз так блестяще, хотя и без всякой роскоши, что Музей по справедливости является гордостью СССР.

V. Но вот кончились, наконец, юбилейные торжества, вернулись рабочие будни, во всех Отделах вновь закипела другая работа, работа организацион-

ная, научная и экспедиционная, так внезапно прерванная мировой и гражданской войной.

За истекшие десять лет выработался тем временем контингент вполне подготовленных молодых этнографов и лингвистов, которые уже оказались в состоянии выполнять весьма серьезные научные задачи. И Л. Я., со своей стороны, стал во главе экспедиций, направленных по линии Комиссии по Изучению Племенного Состава Населения СССР, но по существу всецело приноровленных к нуждам Сибирского Отдела, к его научным проблемам. Одна из этих экспедиций, так называемая, Горино-Амгунская, была им направлена в 1926 г. к сагайцам; другая Амурская (1927 г.) — к ольчам низовьев Амура. Эти народности совершенно не были представлены в Музее. В настоящее время участниками этих экспедиций привезено в общем свыше 1000 предметов (700 слишком от Горино-Амгунской экспедиции и 300 от Амурской), не говоря уже о научном материале, касающемся происхождения, культа, языка, фольклора этих народностей.

На 1928 г. Л. Я. были уже намечены и научно подготовлены две новых экспедиции — одна к орочам Татарского пролива, а другая к кетам Енисея для изучения их языка, а попутно и для других наблюдений. Кроме того, он же возглавлял и руководил другой экспедицией, направленной весной 1927 г. в Горную Шорию.

Для иллюстрации того, какие задачи отныне ставил Л. Я. экспедициям, приведу выдержку из его отношения к Кузнецкому Окружному Исполнительному Комитету по поводу этой экспедиции. Вот что он пишет:

«Экспедиция, отправляемая в текущем 1927 г. Академией Наук в Горную Шорию в составе трех человек, ставит себе следующие задачи.

1) Лингвистические. Выяснение следующих вопросов: а) отношение шорцев к енисейским туркам, в частности к сагайцам, а также к кыргызам Енисея, отуречившим аборигенов этого края, и к населению р. Лебеда, так называемым лебединцами или шолганам; б) изучение различных диалектов Шории, в частности населения р. Когдомы и р. Мрасы и населения верховьев рек и низовьев со включением сюда же р. Томи.

2) Историко-этнографические: а) подробное изучение истории и названия местных родов; б) изучение населения шорцев; в) выяснение связи нынешней культуры шорцев с прежней — главным образом в вопросе об утрате кузнечества и гончарства, которые в прежнее время стояли на очень высокой ступени развития; г) соотношение по культуре низовских и верховских шорцев.

3) В области материальной культуры совершенно исключительный интерес представляет изучение охотничьего быта.

4) В области социальной и духовной культуры особый интерес представляет хорошо сохранившееся шаманство, очень распространенное сказочничество и, наконец, родовой строй».

Само собою разумеется, что такие обширные задания не могли быть выполнены целиком в течение одного лета и несомненно должны были быть продолжены и на следующий год.

В тесной связи с этими последними экспедициями находится еще одна сторона музейной деятельности Л. Я. за последние два года. Советом Музея было возложено на него руководство занятиями так называемых практикантов, которые почти все вошли в состав участников этих экспедиций. На свое руководство ими Л. Я. смотрел так, что на его обязанности лежит подготовить, с одной стороны, кадр квалифицированных музейных работников как для центральных, так и для крупных провинциальных музеев, с другой стороны — квалифицированных работников в поле, которые могли бы принимать участие в тех обширных экспедициях, которые в настоящее время в таких больших размерах предпринимаются целым рядом как научных, так и административных учреждений (из отчета за 1926 г. о работе практикантов).

После юбилея для Л. Я. явилась, наконец, возможность приступить к организации и того Отдела, который он всегда считал венцом всего музейного здания и которому он придавал всегда такое важное значение, именно к Отделу Эволюции и Типологии Культуры. Дело, правда, подвигалось туго: недостаток средств для оборудования нового Отдела мебелью, для приготовления нужных муляжей, рисунков, диаграмм, сильно тормозили работу, но все же многое было сделано и даже частью выставлено (луки и стрелы, способы добывания огня, типы колыбелей и пр.). А еще больше было предварительно научно разработано, как подготовительная ступень к выставлению. Так, разработаны категории: «Прядение и ткачество», «Типы жилищ», «Детские амулеты», «Мотив мирового дерева в культе и орнаменте тунгусов и финно-угорских народов», «Эволюция дракона в орнаменте гольдов и других приамурских народов» и др. Л. Я., руководя этими работами своих сотрудников, в то же время стремился всячески использовать все представлявшиеся случаи и, между прочим, всем командиремым за последние годы как Музеем, так и Комиссией по Изучению Племенного Составы Населения СССР и Географическим Факультетом, он давал определенные задания для этого Отдела, который мысленно рисовался ему уже во всей широте и полноте, как величавая наглядная картина эволюции человеческой культуры от самой глубокой, доступной человеческому познанию древности до периода новейшей европейской цивилизации.

Укажу еще на некоторые стороны музейной деятельности Л. Я.

В 1902 г. начала функционировать специальная этнографическая библиотека под заведыванием Е. М. Романовой, под непосредственным руководством и наблюдением Л. Я. В Музее имелось тогда всего 150 томов. Сначала библиотека, как и весь Музей, пополнялась дарами, при чем много книг пожертвовал В. В. Радлов. Энергичная просвещенная работа Е. М. Романовой, при активном участии Л. Я., очень скоро дала осязательные результаты. Были завязаны обменные связи с разными учреждениями, с редакциями научных журналов как в России, так и за границей, а с ростом музейного бюджета библиотека стала приобретать книги и покупкой. Л. Я., естественно, придавал огромное значение такой специальной библиотеке и уделял ей много внимания, всячески заботясь о ее пополнении, и, между прочим, в каждую свою заграничную поездку привозил много книг по всем отраслям этнологии. Особенно много книг, как указано выше, доставил он (из Лондона) вместе с В. Г. Богоразом (из Парижа) во время их командировки в Западную Европу в 1924 г. В том же году большой вклад в библиотеку по этнографии Индии внесли Л. А. и А. М. Мерварт, привезшие много книг из своей экспедиции. В настоящее время эта библиотека, вместо первоначальных 150 томов, насчитывает около 14.000 т. Это, можно сказать, первая и, вероятно, единственная по богатству этнографическая библиотека в СССР.

Из других музейных достижений, в которых Л. Я. был либо инициатором, либо активным участником или вообще оказал то или иное содействие, назовем следующие: организацию фотографической мастерской, обслуживающей научные нужды Музея и обучающей фотографированию командированных в экспедиции, устройство муляжно-монтажной мастерской, где, между прочим, к юбилейным торжествам, было изготовлено свыше 200 манекенов, и где монтируются все пострадавшие при перевозке новые поступления, равно как изготавливаются некоторые муляжи для Отдела Эволюции; далее образование Отдела Фонограмм, Отдела Изображений и др.

Укажу еще на существующий при Музее и основанный в 1918 г., по инициативе Л. Я., так называемый Радловский Клубок в память покойного директора, знаменитого турколога В. В. Радлова. Согласно идее основателя этого кружка, в нем должны разрабатываться вопросы туркологии, как лингвистические, так и этнические. Л. Я. неоднократно выступал с докладами на заседаниях этого кружка.

Большую работу нес Л. Я. и как редактор всех изданий Музея. Он редактировал все путеводители, все тома «Сборников» Музея Антропологии и Этнографии (с конца 1911 г. в редактировании принимал некоторое участие и Э. К. Пекарский). А что значило редактирование Львом Яковлевичем работ начинающих этнографов, помнят, наверное, многие из

нынешних ученых, испытывших это на себе. Сплошь и рядом это редактирование сводилось к радикальной переделке статей или им самим или их авторами, согласно его детальнейшим указаниям. Помню, как много он потрудился над первыми статьями Анохина, Михайлова и др. Он же в течение ряда лет, с 1903 по 1923 г., составлял ежегодные отчеты Музея, в которых читатель всегда находил не только сухие цифры и факты, но и яркую картину жизни и роста Музея, равно как и оценку наиболее выдающихся поступлений и освещение целей и задач снаряжаемых экспедиций.

В качестве секретаря Русского Комитета, этой тогда (до 1917) неотъемлемой части Музея, Л. Я. составлял все протоколы заседаний и единолично редактировал его орган «Известия Русского Комитета», все выпуски которого в общей сложности составили 862 стр. Он же был автором всех изданий Академии Наук, дававших обзор за известный период деятельности Музея. Таковы: «Ко дню 70-летия В. В. Радлова» (1907 г.), «Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великого» (1912 г.), «Двухсолетний юбилей русской этнографии и этнографических музеев» (1925 г.) и др. Наконец, его перу принадлежали все так тепло написанные некрологи и характеристики деятельности умерших сотрудников Музея. Им же составлена «Программа для собирания этнографических сведений» (Сборник инструкций и программ для участников экспедиций в Сибирь, 1914 г.) и «Инструкция для регистраторов».

Большое значение придавал Лев Яковлевич Музею и в качестве просветительного учреждения для широких масс населения, для рабочих, для учащихся низшей и средней школы, которые в огромном числе (много десятков тысяч) стали ежегодно систематически посещать Музей. Он всячески содействовал организации кадров просвещенных руководителей экскурсиями, делал попытки организации периодических курсов для них и т. п.

Вот что он говорит о значении музеев в докладной записке о необходимости устроить, особенно в интересах провинциальных музеев, учебную мастерскую Отдела Народного Образования для изготовления муляжей, рисунков и пр.: «Музей человеческой культуры, и в особенности Музей эволюции культуры не только знакомит с бытом всех народов земли, но дает возможность человеку хотя бы элементарно понять, как создалась техника, которой он пользуется в своем повседневном быту, как сложились его верования и идеи, в которых он воспитывается, и пр. . . И раскрывая перед умственным взором человека картины того огромного и трудного пути коллективной человеческой работы, которым достигнуты великие достижения современности и демонстрируя их на наглядных образцах, он внушает каждому творческую веру в собственные силы, в силу разума, и

раскрывает перед ним радостную перспективу бесконечного совершенствования. И расширяя свой общий духовный горизонт, зритель здесь получает вместе с тем наглядный этический урок психического единства и закона общего сотрудничества народов на общее их благо». Вот почему он так горячо, с таким увлечением откликнулся в 1923 г. на организуемую выставку по религии, которую он мыслил, как подотдел будущего Отдела Эволюции Культуры в Музее, и вот почему он так охотно шел навстречу экспонатами, рисунками, муляжами, советами и указаниями, как организаторам выставки, так и вышеуказанной мастерской, работавшей для этой выставки. К сожалению, ожидания Л. Я. не сбылись: устроители выставки, вопреки обещанию, своих экспонатов Музею не доставили.

В заключение приведем несколько цифровых данных, рисующих деятельность Музея за период с 1901 по 1927 г. В 1901 г. Музей занимал два выставочных зала и два рабочих кабинета, а в 1927 г. — 33 выставочных зала и 26 кабинетов и служебных помещений. Научного персонала в 1901 г. было 3 чел., в 1927 г. — 35 чел. и 15 младших служащих. Всех Отделов в 1901 г. было 6, в 1927 г. — 15, в том числе новые Отделы: Центральной и Южной Америки, Передней и Средней Азии, Австралии и Океании, Индонезии, Археологии, Туркестанских Древностей, Изображений и Эволюции и Типологии Культуры. Всего в коллекциях Музея в 1901 г. числилось 39.655 №№, а в 1927 г. — 191.110, т.-е. собрания Музея увеличилось за указанный период на 151.455 №№.

Подводя итог работе Музея и его филиала — Русского Комитета по Изучению Восточной и Средней Азии за 26 лет служения Л. Я., с 1901 г. по 1927 г., нельзя не удивляться ее размаху. В самом деле, работа эта в смысле сборов, обменных сношений и научных экспедиций велась на протяжении от Гренландии и Канады до Лапландии, от берегов Ледовитого океана до Аргентины, Патагонии и Огненной Земли, от Сахалина и Дальнего Востока через всю Сибирь до Приуралья и севера России, от Маньчжурии, Кореи, Японии и Китая до Индонезии, Океании и Австралии, от Тибета, Памира, Монголии до Афганистана, Персии, Индии и Египта и т. д. Она пересекала ойкумену в самых различных направлениях, и, если бы не вспыхнувшая война, мы бы имели уже намеченный тогда ряд экспедиций в Индонезию, Австралию, Африку и Америку.

Заканчивая обзор деятельности Л. Я. в Музее, нельзя не вспомнить с особенно теплым чувством о царившей прежде, за редкими исключениями, атмосфере тесной дружбы среди его научных работников, которых объединяло какое-то, я бы сказала, общее всем любовное отношение к Музею. Как радуется мать каждый шаг в развитии любимого ребенка, так радовало тогда каждое новое поступление, каждое известие о получении из-за гра-

ницы, либо из Сибири и других частей России, нового транспорта с коллекциями. И не было соперничества между Отделами, было только благородное соревнование. По сложившемуся обычаю, каждая полученная коллекция, после ознакомления с ней самого заведывающего Отделом, демонстрировалась с соответственными объяснениями всему персоналу Музея. Такие дни были поистине праздниками. И нужно было видеть при этом сияющее лицо В. В. Радлова, заинтересованность всего персонала и горящие, пытливые, радостно-возбужденные глаза Льва Яковлевича. Каждый новый, оригинальный, невиданный им дотоле объект доставлял ему неизъяснимое удовлетворение, подтверждая прежнюю какую-нибудь мысль или наталкивая на новые концепции. Л. Я., можно сказать, одушевлял, аниматизировал все объекты, подобно своим гилякам, гольдам, орочам и пр. Каждый, с виду хотя бы и маловажный, обыденный предмет, в особенности из области культа, преломляясь в его «этнографической» душе, как он иногда шутя говорил о себе, в его этнографическом уме, сказала бы я, до тонкости умевшем подмечать детали, как то оживал, осмысливался в его представлении. Для примера укажу хотя бы на скромную, едва заметную вышивку из оленьего волоса, которая в его освещении оказалась важным культовым явлением, привлечшим впоследствии внимание многих исследователей. Его радовала даже каждая строящаяся витрина, каждый шкаф, ибо все это знаменовало собой рост любимого детища.

В этот период дружной работы Л. Я. многократно давал объяснения по своему Отделу и самому ученому персоналу Музея; впоследствии, по его же предложению, и другие заведывающие Отделами поочередно стали знакомить друг друга со своими коллекциями. Нечего говорить, что такого рода объяснения были очень полезны, обогащая знаниями ученый персонал и расширяя его кругозор.

До какой степени Л. Я. любил свое музейное детище и дорожил им, может свидетельствовать следующий факт. В одно прекрасное утро, именно 6 марта 1915 г., в нашей квартире раздался сильный тревожный звонок: сообщили, что в Музее пожар. Ни жив, ни мертв, Л. Я. помчался туда и застал уже пожарную команду. Когда он увидал во втором этаже, в Отделе Китая, выбивающееся из-за отодвинутых пожарными шкафов пламя горящей балки, загоревшейся от неисправности дымохода, он так заволновался, что брандмейстер, руководивший тушением пожара, спросил его не то наивно, не то иронически: «Что вы так волнуетесь? Разве это ваш собственный музей?».

Отдавая Музею беззаветно свое время, свою энергию, свои силы, свое внимание, свои заботы, Л. Я., со своей стороны, не мало использовал его и для своих научных работ. Музей был для него неисчерпаемым источником знания:

здесь он находил богатейший материал для своих этнографических обобщений, сближений, выводов. Достаточно указать на тот ряд наблюдений и выводов, которые он сделал на основе музейного материала и которыми он так убедительно подкрепил свою «Аинскую проблему» — доклад, читанный на Тихоокеанском Конгрессе. Через его руки прошли почти все объекты, не только в тех Отделах, которыми он сам заведывал, постоянно или временно, но и в других, не исключая и Отдела Антропологии, которым он заведывал после отъезда С. Широкогорова с 1917 по 1923 г. Он не только прекрасно знал все Отделы, но и был знаком с литературой по каждому из них. И только последние 3—4 года, когда Музей сильно развернулся территориально, когда значительно увеличился ученый персонал его и явилась резко выраженная тенденция к самостоятельной жизни Отделов, оказались коллекции, с которыми Л. Я. не имел возможности ознакомиться, о чем он очень жалел.

Это основательное знакомство со всеми Отделами Музея, при огромной разносторонней эрудиции Л. Я., готовность всегда идти навстречу нуждам и запросам товарищей, сделали его в глазах сослуживцев авторитетным советником, и вряд-ли был кто-нибудь из них, кто бы не обращался к нему за руководством и указаниями. И свое звание старшего этнографа он нес вполне заслуженно, являясь им не только *de jure*, но и *de facto*.

Но обращались к нему не одни сослуживцы. За четверть с лишним века со времени вступления Л. Я. в Музей, последний из маленького малоизвестного учреждения превратился в большой Музей, в авторитетный популярный этнографический центр, куда устремлялось внимание всех учреждений и лиц, так или иначе соприкасавшихся с этнологией и примыкающими к ней дисциплинами, и не менее популярен и авторитетен стал за это время сам Л. Я., как ученый представитель этого этнографического центра, как глава этнографической школы, как большой эрудит и знаток музейного дела. Для многих Музей и Лев Яковлевич стали синонимами. Временами, особенно в периоды съездов ученых, было форменное паломничество в Музей со стороны провинциальных деятелей, этнографов или краеведов, жаждавших общения с Л. Я., жаждавших услышать его веское слово, его отзыв о той или иной своей работе, о проектируемых музейных учреждениях, этнографических изданиях и пр., и не было никому отказа — всякий встречал с его стороны полное внимание, интерес, совет и готовность оказать посильное содействие. Более того, он не отказывал даже в таких просьбах, которые для него связаны были с большой тратой времени. Так, например, сравнительно недавно, для пополнения этнографической библиотеки Полторацкого Музея, сильно нуждавшегося в этнографической литературе, он неоднократно лично ходил по букинистам, лично составлял списки

заграничных изданий, списывался по этому поводу с заграничными фирмами и т. д.

Казалось, что Этнографический Музей и Лев Яковлевич связаны вечной неразрывной цепью. Но . . . люди умирают, а дела их остаются. . .

И так промчалось двадцать шесть лет, двадцать шесть лет неустанной работы в Музее, двадцать шесть лет неустанной заботы о Музее.

И опять настал июль месяц, 24 июля 1927 г.

Несмотря на воскресный день, несмотря на знойное утро и усталость, Лев Яковлевич помчался с дачи в Музей, чтобы принять влиятельных московских гостей — показать им, что сделано в Музее и замолвить словечко за свое новое детище, за вновь организуемый Отдел Эволюции и Типологии Культуры. И это было его лебединой песнью. . .

Проголодавшись, он за завтраком, устроенным в Академии по случаю приезда этих гостей, позволил себе нарушить диету и вернулся домой недомогающий, а на другой день слег, чтобы уже никогда больше не встать. . .

С. А. Штернберг.

S. STERNBERG.

L. Sternbergs Werk im Museum für Anthropologie und Ethnographie der Akademie der Wissenschaften.

Résumé.

Ende 1901 trat L. Sternberg, der Einladung W. Radloff's folgend, in den Dienst des Museums. Ein Jahr später wurde er von der Akademie der Wissenschaften zum Oberethnographen des Museums ernannt, in welcher Stellung er bis zum Ende seines Lebens verblieb. Sein Eintritt in das Museum fiel mit einer neuen Epoche dieser Anstalt zusammen. Kurz zuvor waren, dank der energischen Bemühungen des Direktors W. Radloff, die Museumsräumlichkeiten um mehr als das Doppelte erweitert, und das Jahresbudget von 2650 auf 8150 Rub. erhöht worden. Das Museum erhielt so die Möglichkeit die wertvollen Sammlungen, welche seinerzeit von den grossen akademischen Forschungsreisen und ebenso aus dem Museum der Geographischen Gesellschaft, dem Admiraltätsdepartement u. a. zugeflossen waren, wissenschaftlich zu sichten und in würdiger Weise auszustellen, nachdem sie aus Mangel an Mitteln und Arbeitskräften lange Jahre unbeweglich verstaubt gewesen waren.

Sternberg's Eintritt in das Museum ging eine über sieben Jahre sich erstreckende Forscherarbeit unter den Primitivstämmen Sachalins und des Amur-Küstengebietes (Giljaken, Ainu), wie auch unter den Orotschen, Gol-

den und andern Tungusenstämmen voraus. Er besass bereits ein ausge dehntes Wissen in der Völkerkunde und den benachbarten Wissensgebieten. Ausserdem war er kein Neuling in der Museumsarbeit, da er bereits ein Museum in Alexandrowsk auf Sachalin gegründet und mit den von ihm gesammelten archeologischen und ethnographischen Sammlungen ausgestattet hatte.

Mit dem ihm eigenen Enthusiasmus und Arbeitseifer gab sich Sternberg im Verlaufe einer ganzen Reihe von Jahren voll und ganz der Museumsarbeit hin. Schon im Jahre 1903 war das Museum in den erweiterten Räumlichkeiten neu ausgestellt. Dabei muss in Betracht gezogen werden, dass das wissenschaftliche Personal nur aus drei Personen bestand, und Sternberg als Oberethnograph eine Reihe administrativer Nebenverpflichtungen auf sich zu nehmen hatte. Nichtsdestoweniger übernahm er allein die Ausstellung der reichhaltigen sibirischen Abteilung sowie der nord- und südamerikanischen Sammlungen. Auf seine Anregung hin wurde ein umfangreicher Führer verfasst, von dessen 192 Seiten 82 aus seiner Feder stammen, und der vom Anfang bis zum Ende von ihm durchgearbeitet war.

Bei der Sichtung der im Museum vorhandenen Sammlungen kam er zu der Überzeugung, dass dieselben, trotz der in ihnen enthaltenen zahlreichen äusserst seltenen Exemplare, grosse Lücken aufwiesen, was natürlich auf die zufällige und meist dilletantenhafte Art ihrer Erwerbung zurückzuführen war. Eine ganze Reihe wichtiger Völkerschaften wie die Altaistämme, Burjaten, Samojeden, Tungusen u. a. waren überhaupt im Museum nicht vertreten. Sternberg wandte deshalb während der ersten Jahre seiner Tätigkeit seine Aufmerksamkeit diesen Lücken zu. Eine ganze Anzahl von Expeditionen wurde ausgerüstet und einzelne Forscher beauftragt in allen Teilen Sibiriens, des fernen Ostens und Nordrusslands planmässige Sammlungen anzulegen und die betreffenden Stämme eingehend zu studieren. Sternberg musste zum grössten Teil selbst seine Mitarbeiter auf diesem Gebiete heranbilden. Er tat dies mit Eifer und Begeisterung, wie alles was er anfasste. Bald aber wuchs das Interesse an der Völkerkunde so sehr, dass die bis dahin gepflegten persönlichen Besprechungen und Unterweisungen sich als unmöglich erwiesen. Da die Völkerkunde damals noch nicht als Lehrgegenstand auf den russischen Universitäten eingeführt war, unternahm es Sternberg an der Hand der Sammlungen des Museums systematische Vorlesungen über die Völkerkunde zu halten. Die Hörer setzten sich aus Mittelschullehrern, Studenten der Universität, namentlich sibirischer Herkunft, aus Hörern des Pädagogischen Instituts u. a. zusammen. Diese Vorlesungen bildeten Leute heran, die sich selbstlos und unermüdlich in den Dienst der Völkerkunde und des Museums stellten, und das letztere,

namentlich während der Sommerferien, in Sibirien durch wertvolle Sammlungen bereicherten. In der Folgezeit ging aus diesem Hörerkreise Sternberg's eine ganze Reihe von Museumsarbeitern, Professoren und Ethnographen hervor.

Die brennendste Frage war die der Beschaffung von Geldmitteln sowohl für die Ausrüstung von planmässigen Expeditionen, als auch für die Erwerbung von Sammlungen. Zwei Organisationen übernahmen diese Aufgabe im engsten Zusammenwirken mit dem Museum. 1) Das Russische Komitee als die Hauptabteilung des Internationalen Vereins zur Erforschung von Ost- und Mittelasien, der im Jahre 1903 auf die Anregung von W. Radloff gegründet wurde. Der letztere war sein beständiger Vorsitzender, während Sternberg, der die Satzungen für beide Organisationen, die internationale, wie die russische, ausgearbeitet hatte, bis zum Ende nicht nur ihr permanenter Sekretär, sondern vor allem, in Gemeinschaft mit Radloff, die Haupttriebfeder ihrer fruchtbringenden Tätigkeit war. 2) Der Aufsichtsrat des Museums, der im Jahre 1908 gegründet wurde, und die Aufgabe hatte, das Museum aus privaten u. a. Quellen mit Mitteln zu versehen. Dank der Arbeit dieser beiden Organisationen konnte das Museum sich stetig erweitern. Ein drittes Stockwerk und sonstige äusserst nötige Anbauten wurden dadurch ermöglicht, ebenso wie eine ganze Reihe von Expeditionen, wie z. B. nach dem Pamir unter der Leitung von Prof. Gauthiot und nach Indien, ausgeführt von A. und L. Meerwarth. Nur der Weltkrieg hat die weitere Entwicklung dieses grandiosen Expeditionsplans verhindert, in dem Expeditionen nach Indonesien, der Südsee, Südamerika und Afrika vorgesehen waren. Sternberg war der spiritus movens aller dieser Unternehmungen und nahm an ihnen den regsten Anteil, sei es als Leiter, sei es mit seinem bewährten Rate.

Zur Bereicherung der Bestände des Museums, namentlich aus fernliegenden Gebieten, trugen viel die persönlichen Beziehungen bei, die Sternberg während seiner zahlreichen Studienreisen ins Ausland und auf internationalen Kongressen mit den Fachleuten aller Länder anknüpfte und die er stets zum Vorteile des Museums zu benutzen wusste. So verknüpften ihn persönliche Bande mit Fr. Boas, J. Ambrosetti, Th. Preuss, C. V. Hartmann und vielen andern. In diesem Zusammenhange muss besonders auf das Wachstum der südamerikanischen Sammlungen hingewiesen werden, die, dank seiner Beziehungen, im Jahre 1913 von ursprünglich 257 auf 6866 angewachsen waren. Die Sammeltätigkeit Sternberg's machte sich natürlich am meisten in der sibirischen Abteilung fühlbar, die unter seiner unmittelbaren, persönlichen Leitung stand. Es gelang ihm ihre Bestände

um das vierfache zu vergrössern und auf die Zahl von 14.876 Objekten zu bringen. Die von ihm gegründete Unterabteilung des sibirischen Schamanismus ist einzig in ihrer Art, was Reichhaltigkeit und Vollständigkeit betrifft.

Auf die Anregung Sternberg's und unter seiner tätigen Mitwirkung entstand beim Museum eine ethnographische Bibliothek, die jetzt mehr als 14.000 Bände zählt. Ebenso begründete er eine Phonogrammabteilung u. a. Eine grosse Arbeit leistete Sternberg auch als Verfasser der Jahresberichte des Museums, in denen er nicht nur trockene Ziffern und Tatsachen, sondern auch ein anschauliches Bild der Entwicklung des Museums gab. Er redigierte das Organ des Museums, «Sbornik», und des russischen Komitees «Izwestija». Schliesslich, im Jahre 1925 entschloss er sich einen Gedanken ins Leben zu rufen, mit dem er sich lange getragen hatte, und den er in allen Einzelheiten durchgedacht hatte. Er wollte im Museum eine Abteilung der Kulturentwicklung und Typenlehre schaffen. Diese Abteilung war als Krönung des ganzen Museumsplans gedacht und sollte eine Vorstellung von der Dynamik der Kultur und dem stufenweise fortschreitenden Schaffen des Menscheinges auf allen Gebieten geben. Leider hat ein allzufrüher Tod diese Arbeit unterbrochen.

Wenig mehr als ein Vierteljahrhundert ist seit dem Eintritt Sternberg's in das Museum verflossen. Während dieser Zeit hat sich dieses zu einem der grossen europäischen Mittelpunkte der Völkerkunde entwickelt. Dank seiner Autorität und Volkstümlichkeit ist es eine der wichtigsten Stätten für Völkerkunde im USSR geworden. Unauflöslich ist mit dieser Entwicklung der populäre und gewichtige Name Sternberg's verknüpft, welcher als wissenschaftlicher Vertreter des Museums und als Gründer der ersten ethnographischen Hochschule durch Rat und Unterweisung die ethnographische Forschung und Museumsarbeit des ganzen Landes belebte.

Zur Volkstümlichkeit des Museums trug besonders der Umstand bei, dass es zur praktischen Lehrstätte für die Studenten und Mitarbeiter der Ethnographischen Abteilung der Geographischen Facultät wurde, und anderseits sich zu einem beliebten Bildungsmittelpunkt für die Arbeiter- und Schülerbevölkerung Leningrads ausbildete.

Zum Schlusse einige Zahlen, die das Wachstum des Museums während dieser Periode illustrieren. Das Museum hat gegenwärtig, seit der zum 200-jährigen Jubiläum der Akademie erfolgten bedeutenden Erweiterung seiner Räumlichkeiten: 33 Schausäle, über 190.000 Gegenstände, 14 Abteilungen, worunter neugegründete wie Indien, Indonesien, Südamerika, Mittel- und Vorderasien u. a. während das wissenschaftliche Personal auf 34 Personen angewachsen ist.